

Никто, кроме нас! Российский спецназ!

СЕРГЕЙ Зверев

БАСТИОН

**Завтра
никто не умрет**

Бастион

Сергей Зверев

Завтра никто не умрет

«Научная книга»

2010

Зверев С. И.

Завтра никто не умрет / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2010 — (Бастион)

Некогда в стране существовали две тайные организации – «Орден», объединивший крупных политиков-коррупционеров, и «Бастион», беспощадно боровшийся с ними. Но прошло время, и «Бастион» сам подвергся криминализации, по сути превратившись в двойника «Ордена». Один из немногих честных сотрудников «Бастиона» – Павел Туманов – уже собирается выйти из организации, но внезапно получает важное задание: проникнуть на секретную базу «Ордена» и добыть документы с компроматом на врагов «Бастиона». Туманов даже не догадывается, что это задание – путевка на тот свет...

© Зверев С. И., 2010

© Научная книга, 2010

Содержание

Сергей Зверев	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Зверев

Завтра никто не умрет

Вода бурлила за каменным парапетом. Серая пена жадно вылизывала стены желоба. Тонны грязи, химии, канализационных нечистот лились нескончаемым потоком в Финский залив, добавляя местной экологии дополнительный урон. Завывал ветер.

Туманов поднял воротник, натянул поглубже кепку с ватиновыми наушниками. Поискал глазами солнце на небосклоне, не нашел – небо затянула сплошная муть. В январе в этом городе солнце едва встает над горизонтом – отсюда черные ночи и нерадостные серые дни. Он сунул в зубы сигарету, потянулся за зажигалкой, но тут заметил что-то в воде, всмотрелся. Еще один утопленник плыл по течению – всплывал, погружался, словно катился на санках с волнистой горки. На этот раз мужчина. На прошлой неделе была женщина. Вода заливала бескровное лицо, пустую глазную впадину, разорванное горло. Явно не утопленник. Злую собаку спустили на человека. Или зверь двуногий напал – самый злой хищник. Преступность цвела махровым цветом, людей убивали много, часто; грабежи, теракты, насилие становились неотъемлемой частью городской жизни. Пойманных преступников лечили – как и положено – пулей. Но меньше их не становилось. Люди боялись выходить из квартир, общаться с другими людьми. На милицию надежды не было, кто мог, запасались оружием. По оценкам аналитиков, в городе действовало не менее тридцати хорошо организованных, сплоченных банд. Одиночек же не считал никто. Петербург напоминал осажденный город. Только в центре, наводненном патрулями, поддерживалась видимость сносной жизни, да и то не всегда она отличалась от несносной.

Туманов проводил глазами уплывающий труп. Синопская набережная была практически пуста. Единственное береговое кафе в зимнее время не работало. Зажигалка бастовала – гореть на ветру ее в Китае не учили. Он спустился по лестнице к воде, прикурил под защитой парапета. Хлопьями повалил снег. Погода подбрасывала сюрприз за сюрпризом. Словно мало людям наказаний. Зима в этой некогда столице Российской империи была неморозной, Нева не леденела. Но накануне Нового года навалило столько снега, что город, казалось, захлебнулся. Засыпало дороги – их почти не чистили, обрывались линии электропередачи, крыши зданий трескали и падали под давлением снежной массы. После праздников пришла оттепель, и все поплыло. Ночью подмерзло, днем таяло. Солнце пряталось, дули жуткие ветра, валил снег, переходящий в дождь. Уровень Невы приблизился к критической отметке; через месяц-полтора начнется половодье, и тогда этот город не спасут ни молитвы, ни коммунальщики. Коммерсанты знали, как можно заработать: завезли в город массовое количество резиновой обуви. До весны как до вселенского счастья, а всю уже раскупили...

Уезжать пора из этого города, думал Туманов. Но как он уедет? Высочайшего соизволения не поступало. Месяц назад отцы-руководители повелели сидеть на съемной квартире, ждать указаний. Клялись, что выпишут «демократизацию» в случае примерного поведения. Слабо верилось, но он отлично знал, что такое невыполнение приказа. Проходили. Не та организация, с которой хотелось бы играть в развивающие детские игры...

Он посмотрел на часы, достал сотовый – посмотреть, не пропустил ли важное сообщение. Молчали «отцы». Непонятно все это. Одинокий прохожий с тросточкой и в старомодной ушанке покосился в его сторону. Человек с мобильником в «новой» России был уже не в диковинку (в отличие от эпохи НПФ, когда гражданам запрещалось пользоваться сотовой связью), да и станции работали во всех крупных городах. Но массовым явлением этот человек пока не стал. Цены кусались – на железо, на эфир. У подавляющей массы россиян не было средств на «выполнение данной операции». Правление патриотов отшвырнуло страну в далекое прошлое,

а нынешняя бестолковая власть и вовсе погрузила в бездну. Не хватало только лозунгов про «светлое никуда» – они бы отлично смотрелись на городских улицах.

Туманов начал замерзать. Выбросил окуроч, побрел с продуваемой набережной в сторону Невского проспекта. Дома в центральной части города не ремонтировали много лет. Штукатурка осыпалась пластами, кладка теряла кирпичи. Улицы и переулки зарастали грязью. Дворников в жилищных конторах, ввиду мизерных зарплат, почти не имелось. В ушедшую эпоху на стройках, в коммунальных хозяйствах трудились «иностранцы» из Средней Азии, нынче гастарбайтеров днем с огнем не найти. Фашистов при этом не убавилось – на место посаженных и убитых являлись новые. Злобно гавкали из подвалов и подворотен – все эти «черные волки», «русские братства», «Единый Национальный Центр», «Белая Европа»...

Он перебрался через Невский проспект. Нацелился на Тележную, где в связи с ноябрьской коммунальной аварией и последующим вскрытием теплотрассы не было движения. Покопался на здании, где неделю назад прогремел взрыв. Кто-то «забыл» на крыльце благотворительной миссии «American Help» пакет с гексогеном. Взрывом разворотило крыльцо (сама же миссия не пострадала), разбило вывеску и начисто смело безобидную аптеку в соседнем полуподвале, в которой лишь по счастливой случайности не оказалось покупателей (аптекарьша, сидевшая в подсобке, оглохла и потеряла дар речи). Место взрыва оперативно оцепили, и компетентные органы, недолго думая, возвестили, что это никакой не теракт, а поступок из «хулиганских побуждений». Миссия не при делах, взрывчатка предназначалась аптеке, и незачем по пустякам нагнетать напряженность. Вопросов у общественности была масса. Из какого мыла «хулиганы» варили гексоген? В каких пропорциях следует добавлять к взрывчатке стиральный порошок и серу? Правда ли, что в миссию поступали звонки с угрозами от неизвестных лиц, а секретаршу Кимберли Кларк несколько дней назад пытались слямзить – причем не с целью сексуального знакомства, поскольку в этом городе и красивее видали? Сосед по подъезду, комментируя событие, очень метко обозвал местные правоохранительные органы «правоохранительными».

От улицы Тележной было два шага до Миргородской, где Туманов снимал угол в коммунальной квартире. У окружного бюро по трудоустройству толпились люди. Контора была закрыта – сотрудники обедали. Безработные стояли кружком, угрюмо косились на редких прохожих. Кто-то шутил под запертой дверью – безработные, мол, тоже обязаны ежедневно являться на свою безработу. «Примкнуть к рядам?» – мелькнула невеселая мысль. Целый месяц он уже слонялся без дела. Деньги кончались. Работодатели молчали, как та аптекарьша после взрыва...

У кафе напротив филиала Института геодезии и картографии топтались голодные мученики науки, горестно пересчитывая медяки. Можно к бабке не ходить – еще чуток поголодают (зависит от уровня порядочности) и отправятся на разбой или на другие виды деятельности, сулящие реальный доход. Преступность среди студентов ничуть не меньше, чем среди взрослых людей. Туманов не смотрел им в глаза. Поднялся на крыльцо, обстучал ботинки. Вышел через пару минут, придерживая под полой увесистую бутылку. И снова клял себя последними словами – алкаш, транжира, чудак с переменной согласной. Такими темпами он обнищает к понедельнику. Не может пить, как все нормальные люди, самогон от «тети Таси», метиловый суррогат? В крайнем случае, заводскую водку «Меньшиковъ» – пойло эконом-класса, воспетое в поговорках и анекдотах?

Его «забросили» в город на Неве три месяца назад. По каналам «Бастиона» прошла молния: Туманова вызывают в Северо-Западный округ. Пять часов над облаками в утробе транспортно-«ИЛа». Не пропустили ни одной воздушной ямы, но сели без ущерба – на грузовой полосе в Пулково.

– Павел Игоревич, только ВЫ знакомы с этой гадостью. Во всяком случае, других информированных людей в списке живых мы не нашли, – вещал шеф петербургской штаб-квартиры

«Бастиона» генерал-майор от «инфантерии» Карагуев Петр Яковлевич. – Вещество «Бласт», оно же «Хайфлаер», оно же «Блоссэм», оно же «Вирти»... занятное наркотическое изделие специфического воздействия. Мы читали ваше досье, знаем, что в вашу бытность главным аналитиком Н-ского филиала концерна «Муромец» на Н-ском же фармзаводе...

– Позвольте, Петр Яковлевич, – перебил Туманов старшего по возрасту и званию. – Да, я не спорю, это вещество с подачи лиц, стоящих за марионетками из Национал-патриотического фронта, производилось исключительно на Н-ском фармзаводе – что даже в те смутные годы было засекречено. Больше оно нигде не производилось. Лавочку прикрыли три года назад. Блокировали все каналы от производителя в Европу и прочий мир.

– Вам предстоит внедриться в одно из местных ОПС, Павел Игоревич, – невозмутимо поведал генерал. – Вещество переправляют в Финляндию. Причем весьма изобретательно – поймать контрабандистов мы не можем. Ошибка исключена – тот самый наркотик. Засада под Выборгом, ловили других, но так уж вышло. Обычная милицейская практика. Один из перевозчиков погиб в перестрелке, другой скончался в камере, не дождавшись допроса, – понятно, не от старости. Наркотик, обнаруженный в тайнике под сиденьем, отдали в лабораторию на экспертизу. Через таможеню они, конечно, не суются – решают свои проблемы менее самоубийственным путем. Куда уходит наркотик из Финляндии и уходит ли вообще, мы не знаем. Разумеется, мы далеки от мысли, что в России вновь налажено производство. Это дорого, и требуются не только деньги, но и владение технологией, а уж об этом мы, прошу поверить, позаботились. Распродаются старые запасы, пролежавшие в укромном месте несколько лет.

...Работать пришлось не в Питере – в Выборге. Он начал замечать за собой нехорошую особенность – рисковал бездумно, ходил по самому краю. Собственная жизнь превращалась во что-то не очень важное. И к алкоголю начал проявлять нездоровый интерес. Два месяца он работал под прикрытием, взаимодействуя с выборгскими чекистами. С трудом, но вышли на след банды. Внимание привлек один чиновник из «временной» городской администрации. Всецело положительный, семьянин. Ответственный, исполнительный, бесконфликтный. Всего лишь раз за карьеру прогулял работу, и то по уважительной причине – его убили. За чиновником, когда копнули, потянулся длинный шлейф неблагоприятных знакомств. Зачем нужна власть, если ею не злоупотреблять? Контакты с финской транспортной компанией с симптоматичным названием «Мура», с владельцем единственного в городе ночного клуба, с некими тихими парнями, которых злые языки причисляли к окружению авторитетного бизнесмена по кличке Амфибрахий – большого знатока и ценителя классической поэзии. А главное, с неким Вальцманом, «гражданином мира» с неугомонным шилом в заднице. Вальцман на поверку оказался гражданином Лялиным – бывшим заместителем господина Кравцова, убитого несколько лет назад, а при жизни возглавлявшего Н-ский филиал концерна «Муромец», а также курировавшего Н-ский фармацевтический завод, где и производилось злополучное вещество. Причины гибели чиновника остались за кадром. Вальцман тоже долго не протянул – дожил ровно до того дня, когда выяснилось, что старые запасы наркотика (в принципе, непортящегося) хранятся в сухом подвале овощной базы вблизи станции Лещиха. «Неудачно упал с лестницы», – объяснил общественности старший следователь. Можно ли удачно упасть с лестницы, следствие не уточнило. Вдоволь насмеявшись, органы стали действовать. Вальцман и его товар угрозы уже не представляли, оставалось разоблачить выборгскую группу и ее финских коллег. Место выбывшего из криминальной цепочки «гражданина мира» занял Туманов. Информацию об этом выскочке преступники собрали быстро. Действительно, Павел Игоревич Туманов в канувшую эпоху трудился в структурах «Муромца», был близок к Кравцову, и ничто ему не мешало быть теневым подручным Вальцмана. Прочей информации о богатой на события жизни Туманова бандиты, разумеется, не получили. Операция готовилась долго, кропотливо, пришлось неоднократно пачкать руки. Но дело того стоило. В одну ночь накрыли всех членов банды на российской стороне – кого в постели, кого в ночном клубе. В последнем был

жаркий фейерверк. Не желающих сдаваться уничтожали на месте. Туманов притворился мертвым – разбегающиеся в ужас посетители и повязанные члены банды видели, как он картинно упал, обливаясь кровью. Питерская киностудия много лет не подавала признаков жизни, но любезно предоставила аксессуары для съемки спецэффектов – в частности, мешочек с краской. Пришлось полежать минут десять, а потом объяснять собравшемуся его «добить» омоновцу, что роль покойника исполняет приглашенный актер, по совместительству агент под прикрытием. «Блестяще, Павел Игоревич, – похвалил Карагуев. – А с шайкой-лейкой на территории Финляндии мы сами справимся. Знаем, как вы мечтаете об отставке, ваше право, заслужили. Думаю, вопрос решится, нужно лишь немного подождать. Поезжайте в Питер, вам сняли комнату на Миргородской улице, живите спокойно. Вашему здоровью ничто не угрожает. С вами свяжутся».

И вот он месяц не мог найти себе места. В первые дни воздерживался от прогулок, сидел в четырех облезлых стенах, потягивал горькое пиво, уныло смотрел в телевизор, вещающий на двух каналах. Постепенно повышал градус содержания алкоголя в крови, разговаривал со стенами – явно нехороший признак. В подпитии начал появляться на улице. Поначалу бродил в окрестностях Миргородской улицы, потом освоил прилегающие территории, заходил в питейные заведения, часами торчал на набережной, если погода позволяла. Контактные телефоны внезапно перестали отвечать – в трубке звучали короткие гудки. С отчаяния он подался на явочную квартиру в дебри Васильевского острова. Надавил на звонок, приложил ухо к двери. Из соседней квартиры выбрался мужик, устался на чужака, как царь Петр на бородатого боярина.

– Нет их, – процедил мужик сквозь зубы.

– Кого – ИХ? – не понял Туманов.

– Стариков, что здесь жили, – пояснил сосед. – Съехали на днях. Вещи грузчики таскали.

Откуда я знаю, куда они поехали? По мне хоть на Луну...

В тот же вечер Туманов перенес тяжелый панический приступ. Лечить его пришлось безотлагательно, содержимым сосуда из мутного стекла...

За три часа его отсутствия на съемной жилплощади ничего не изменилось. Даже под градусом он помнил, кто он такой, и не забывал осматриваться. Пусть паранойя, зато живой. Или нет... что-то изменилось на съемной жилплощади? Туманов подобрался. Внимательно осмотрел предметы скудной обстановки, рваные обои в горошек, закрытую форточку, кушетку, которую вчера по пьяному делу передвинул подальше от двери. Мнительным стал? На цыпочках прошелся по комнате еще раз. Колченогий стол с автографами всех жильцов за сто лет (и Туманов не был исключением), телевизор, по которому он намерен в пьяной злости засадил кулаком, нанеся обширные повреждения, несовместимые с дальнейшим использованием в быту; галерея пивных и коньячных бутылок под раковиной – Туманов маниакально не желал с ними расставаться. Воздух какой-то не такой? Чужим духом пахнет? Простейший способ сойти с ума? Кому понадобилось посещать его пустые «апартаменты»? Замок на месте, а убить можно и менее хитроумно. Павел втянул носом воздух, прислушался. Дело к вечеру, старый питерский дом жил обычной жизнью. Внизу сверлили, вверху бранились – у истерики, как обычно, женское лицо. На кухне гремела кастрюлями старая колдунья Фрося. За стеной храпел сосед Анатолий. Пейзаж за окном все тот же – боковая сторона примыкающего здания – ни окон, ни дверей. Если встать на цыпочки и глянуть вниз, можно увидеть узкий проход между домами. По ночам там гнездятся наркоманы, и прохожие не ходят. Месяц назад, после успешно проведенной операции, Туманов приехал на эту хату, любезно предоставленную руководством (могли бы и коттедж устроить), и в тот же вечер безбожно надрался. А утром такого в зеркале насмотрелся – лучше не вспоминать. И те же страхи терзали – казалось, за дверью кто-то стоит, мерещился шепот, шорохи, давили стены...

Он проспал наваждение. Извлек из старого серванта граненый стакан, плеснул в него виски, выпил залпом и уставился на фотографию в траурной рамочке. С фото на Туманова взирала худощавая привлекательная женщина. Возможно, ей было под сорок, но возраст даму не портил. У нее были выющиеся темные волосы, скуластое лицо, большие глаза, аппетитные ямочки над ключицами. Женщина щурилась – за спиной фотографа сияло солнце. На ней был легкий сарафан с почти невидимыми бретельками. За спиной женщины простиралось море, виднелась пальма, корчил рожицу в объектив малолетний абориген. Павел вновь впал в оцепенение – с ним всегда случалось подобное, когда подолгу смотрел на фото. Начинала тоска грызть. Он провел пальцами по ее лицу, сглотнул, сморгнул набежавшую слезу. Махнул второй стакан и побрел на койко-место.

Туманов очнулся от робкого постукивания в дверь. Так стучать могла только Людмила – соседка из глубин коммунального коридора. В этой квартире комнат – не счесть. И энергетика таинственно-мистическая. Одинокая женщина, без мужа, без детей, простая упаковщица на почте (любимая поговорка: почта России – и пусть весь мир подождет). Простая питерская женщина. Пугливая, брезгливая, суеверная, боящаяся встретить старость в одиночестве. Павел доковылял до двери. Людмила вошла, обняла его, невымытого, выпившего, прижалась к небритой щеке. Он чмокнул ее в нос. Морщинки прочертились в уголках рта. Людмила тихо засмеялась. Она была еще привлекательной, следила за собой. Эта женщина спасла Туманова от черной депрессии в канун Нового года, когда он был белее муки и пил ударными дозами. Пришла к нему – а он тогда еще не знал, что в этом мире есть какие-то соседи, навела порядок, легла к нему в постель. Не мучила вопросами, кто такой, не выспрашивала факты биографии. Проснувшись, он обнаружил, что в постели пусто. И это правильно – женщина должна быть отзывчивой, но ненавязчивой. «Терпимо было вчера?» – спросила она, кутаясь в халат, когда Павел, опухший, с одним открытым глазом, возник на кухне. «О, да...» – замялся Туманов. «Понятно, мужчина, – улыбнулась Людмила, – тошнило, но не сильно. Это обнадеживает». С тех пор визиты в его постель стали регулярными. Он излечился от депрессии, а вот от тяги к веселящим напиткам – нет.

– Умиравший мой, – соседка погладила Туманова по щеке, – Мы не виделись два дня, и это не пошло тебе на пользу. Хорошо провел время? Надеюсь, не работу искал?

– Еще чего, – фыркнул он. – Что такое работа, мы не знаем, но если это то, о чем мы с ужасом думаем...

Людмила засмеялась, прижалась к его рубашке, которую давно следовало постирать. Он не был расположен сегодня к амурам. С потенцией порядок, а вот в душе – полнейшее запустение. Отсутствовал, видимо, в нем разъем для полноценной связи с другими женщинами. Она почувствовала неловкость в его движениях, вздохнула, покосилась на фото на серванте.

– Я никогда не спрашивала, кто это...

– И продолжай.

– Как она умерла?

– Как умирают все люди, – Туманов помялся. – Давай не будем об этом... И кстати, – встрепенулся он, отметив перемены в лице женщины, – прошу учесть, что это не Ипполит, ее нельзя в окно и рвать на мелкие кусочки...

– Ладно, – Людмила оторвалась от него, запахнула халат, тоскливо посмотрела по сторонам. – Ты знаешь, Семеновых на первом этаже обокрали. Пришли вчера с работы, а в доме Мамай побывал. В окно залезли. А Петр Сергеевич как раз намедни зарплату получил. Спрятал в вентиляционную решетку – ни ума, ни фантазии... Как в анекдоте – сначала жили бедно, а потом их обчистили. Анна Юрьевна плачет без остановки, а милиция даже не приехала – сказала, что очень занята. Ты кушетку переставил? – заметила Людмила. – По фэн-шую?

Какие слова мы знаем.

– По пьяному наущению, – пошутил он. – Мы с кушеткой решили, что здесь нам будет удобнее. А еще я телевизор разбил, пустые бутылки побоялся выбрасывать...

– Хорошо, отдыхай, я все понимаю. – Женщина подошла к нему, встала на цыпочки и с наслаждением чмокнула в безобразную щетину. – Доставлю тебе сегодня удовольствие в постели – оставлю в покое... Только не глупи, хорошо? – Она вышла из комнаты, бесшумно прикрыла за собой дверь. Потом вернулась. – Зайдешь ко мне утром? Стыдно эксплуатировать мужчину с такой тонкой душевной организацией, но у меня, кажется, люстра падает. Крючок прогнил. А остальных не допросишься. Ты – единственный мужчина в этом коммунальном раю.

Она ушла. «Жениться на этой женщине? – внезапно подумал Павел. – А что такого? Индусы, вон, на деревьях женятся».

Не хотелось заниматься самоедством. Женщина к нему со всей душой, а он – свинья неблагодарная. Надо менять что-то в этой жизни. Туманов выхватил мобильник, набрал номер, выслушал серию отрывистых гудков, со злостью бросил телефон на кушетку. Не отзываются отцы-благодетели. Телефон со стуком упал на пол, он изумленно уставился на него – забыл, что переставил кушетку. Поднимать средство связи он не стал – модное техническое устройство превращалось в ненужный вес в кармане. Схватился за бутылку, как за спасительную соломинку, плеснул в стакан, вылебал, с недоумением обнаружил, что бутылка уже пуста, а он ни в одном глазу. Надо что-то делать. Глянул за окно. Уже стемнело. Это нормально. Давно замечено, что вечерняя темнота лучше утренней...

Заведение кабацкого типа с незатейливым названием «Орион» располагалось на Гончарной улице, в двух шагах от его холостяцкой берлоги. Заведение было приличным – дрались и стрелялись в нем редко. Народ активно потреблял и закусывал. Цены не кусались – в противном случае кабатчик давно растерял бы клиентуру. В углу гуляла компания чернявых кавказцев. Пока в пределах приличия – вполголоса общались, хихикали. В компании присутствовали две блондинки – не самых благочестивых нравов. В другом углу сидела парочка армейских офицеров. То ли по службе прибыли в Питер, то ли лечились в местных госпиталях. Война на Кавказе, по мнению некоторых, благополучно завершилась. Войска генерала Окатышева нанесли серию поражений (в пенальти – как шутили злые языки) повстанцам и иностранным наемникам, окружили и почти полностью уничтожили крупную группировку под Владикавказом, освободили Чечню, Ингушетию, Карачаево-Черкессию, восстановили контроль над Дагестаном, над трассой «Кавказ». Однако грузы 200 и 300 шли с Кавказа непрерывным потоком – словно не было победных реляций и постановления Директории о переходе с «военного положения» на «чрезвычайное». Вряд ли кто-то объективно понимал, что в действительности происходит на Кавказе. Офицеры решили забыться – заказали два графина водки. Прекрасный способ внезапно перенестись в будущее...

Вошли два неприятных существа мужского пола, расположились у окна за пальмой. Перед ними сидела разнополая парочка. Смазливый паренек влюбленно смотрел на печальную женщину намного старше его. Он гладил ее худую руку, что-то говорил, не прерываясь, нервно комкал салфетку. Спутница улыбалась – тонко, грустно, снисходительно. Туманов подавил усмешку. Он тоже в ранней юности прислушивался больше к гормонам, чем к родителям. Хорошо хоть не женился в состоянии аффекта. За соседним столиком картина была другая. Пара выясняла незадавшиеся отношения. Пока не лаялась. Мужчина оправдывался, дама делала страдальческое лицо, шипела, что она «слышала собственными глазами...»

– Еще по одной, сударь?

Туманов повернулся. Он сидел за стойкой. Глаза прыщавого бармена перебегали с его лица на опустевшую стопку.

– Вы так любезны, милейший. Дайте-ка подумаю... А почему бы нет, собственно?

В углу начинались «межэтнические» волнения. Кавказцы подвыпили (словно и не запрещает им Аллах), веселье нарастало, они срывались на визгливые гортанные выкрики. Один начал хватать светленькую проститутку за выпуклости. Девушка знала, на что шла, была готова на многое, но, видимо, не на все. Она оттолкнула от себя волосатого ухажера, резко поднялась и, фыркая, подалась виляющей походкой к стойке бара.

– Эй, прелесть, ты куда? – заголосило лицо сомнительной национальности. – Вернись, я все прошу!

Остальные ржали, как породистые жеребцы. Бравые офицеры на другом конце зала сурово сомкнули брови. Таким парням бессмысленно доказывать, что не все выходцы с Кавказа заслуживают пули (или хотя бы качественного избияния). Выглянул из-за шторки плечистый вышибала, задумался – как бы провести ближайшие пять минут. Кавказцы утихли, за путаной никто не бросился.

– Шибанутые какие-то, – буркнула девушка, взбираясь на рослый табурет рядом с Тумановым. – Тапком бы таких давила. Сплошной невроз от этих типов.

«Хорошее слово», – подумал Туманов.

– Смени работу, Анжела, – в шутку посоветовал бармен.

– Ага, кабы я была девицей, – фыркнула путана. – Меня уже однажды лечили от денег, спасибо. Уж лучше в койке подохну с упырем, зато с бабосиком на кармане... Ну, что ты мне, Витала, пялишься в декольте? Там все красиво. Выпить лучше налей.

Туманов покосился на украшенную запудренным синяком девичью коленку. Поднял стопку, медленно втянул тягучую сорокоградусную жидкость. Алкоголь сегодня не действовал.

– Красиво пьешь, мужчина, – крикнула девушка.

Он решил не попадать под чары коварной обольстительницы, отвернулся. Напряженность в зале потихоньку спадала. Кавказцы тесным гуртом охаживали товарку путаны – у этой с «неврозом» было получше. Сомкнули стопки военные. Юноша, бледный и влюбленный, продолжал без устали что-то говорить, поедая глазами даму. На что надеялся? Красивой женщине проще разбить голову, чем сердце. Неприятные личности за пальмой увлеченно болтали, поджидая официанта. Обманутая женщина выплеснула своему собеседнику все, что у нее накопилось, хотела уйти. Мужчина удерживал ее за руку.

– Послушай, красивый, – начала подъезжать путана, – мне кажется, я где-то тебя видела. И где же, интересно, я могла тебя видеть?

– Не вспоминай, – буркнул Туманов. – А то я тоже тебя вспомню.

Проститутка задумалась над его словами, хотя в них не было ровным счетом никакой смысловой нагрузки. Павел поднял на нее глаза и подавил желание проверить первую страницу ее паспорта на предмет совершеннолетия. Сомнительно, чтобы она таскала на «работу» документ. Да и какое ему дело?

– Слишком занят, красавчик? – прощобетала девушка. – Минутка найдется?

Он подумал – вот бы смыть с нее косметику, снять рабочую «спецодежду», облачить в школьную форму, посадить на первую парту...

– А тебе уже можно? – спросил он.

Девушка поскучнела.

– Отведешь меня в обезьянник за нарушение общественной нравственности? А есть такая? Ты не мент, парень, – у тебя в глазах ни хрена ментовского нет.

– Когда-то было, – признался Туманов. И вспомнил некую Марию-«вертолетчицу», с которой он когда-то на допросе, в условиях повышенного риска, в неудобной позе, на столе, сбросив на пол протокол допроса...

– А ты не врешь? – удивилась девчонка.

– Ага, – кивнул он.

– Чего «ага»? – озадачилась она.

Туманов рассмеялся. Швырнул на стойку купюру с Иваном-первопечатником (деньги после низложения патриотов решили не менять – дорогое удовольствие, да и кого волнует, что там нарисовано, лишь бы были), начал выбираться из-за стойки. Неуверенно как-то было на душе. Лучше уж предупредить опасность, чем потом расхлебывать.

– Уходишь? – девчонка скуксилась. – А как насчет койки с первого взгляда? Много не возьму, ты мне нравишься...

– Койка с первого взгляда подразумевает отсутствие товарно-денежных отношений, – доступно объяснил Туманов. – Но ты же даром не трахаешься, нет?

– Можно подумать, ты никогда не спал с нашим братом, – расстроилась девчонка.

– Спал, бывало... но только в порядке большого исключения. Знаешь, подружка, – Туманов покосился по сторонам, – не мое, конечно, дело, но шла бы ты отсюда подобру-поздорову – не водись с этими подонками. Найди других, желательно безопасной национальности. Тоже вариант двойкий, но все же...

Он уже не слушал, что она говорила. Беспокойство овладело Тумановым. Дело не в кавказцах. Может, и мерещится, но все равно пора домой. Добраться до квартиры, пока не вышли на улицу злые патрули, запереться, уснуть тревожным сном. Можно уговорить себя, что не все так скверно в жизни...

Павел двинул к выходу, покосился на большое зеркало с трещиной. Все бы хорошо, да плохо. Не подвело чутье. Зеркало прилежно отобразило, как поднялись из-за пальмы неприятные личности мужского пола. У одного физиономия предельно озабочена. Другой держал у уха телефон – рассматривать физиономию было некогда. Горячие финские парни! Нашли виновника провала своего прибыльного бизнеса. Эх, Карагуев! Кто обещал, что разберется с финскими товарищами?

Он выскочил из зала, хлопнув дверью. Если парень говорил по телефону, то можно не сомневаться – на улице поджидает группа коллег. И не с ящиком пива. В вестибюле было темно, как в норе. До двери на улицу шагов десять – он помнил. Всегда подмечал скучные детали. В вестибюле никого – давно бы схватили под белы ручки. Туманов заметался. На улицу – хуже каторги. Почему так темно? Экономят? Он зашарил по стене, нащупал выключатель. Загорелась тусклая лампочка, защищенная от вандалов толстым слоем плафона. Зря он так. Впрочем, размышлять о своей неправоте было некогда. Распахнулась дверь, первым вывалился человек с озабоченным лицом. Узрел объект охоты, стал вконец озабоченным, сунул руку за пазуху. Возможно, не хотел убивать – кто мешал это сделать в зале? Стеснялись, что ли? Туманов не стал дожидаться развития событий, ударил с фехтовальной быстротой, коротким ударом точно под нос. Не сказать, что он в совершенстве владел всеми запрещенными приемами, но жизнь кое-чему научила. Визави так и рухнул. От удара под нос, если провести его как надо, голова будто взрывается и восстановлению практически не подлежит. Второй споткнулся о приступочку, перепугался, залопотал что-то не по-русски. Ну, точно, финские парни. Туманов схватил его за грудки, безжалостно встряхнул.

– А ну не дергайся. А то убью – самым зверским способом.

Пообщаться с представителем этнической группировки, конечно, имело смысл. Кто на улице? Какие планы? Знают ли парни, где он живет? Павел помнил несколько слов по-фински, не оконфузился бы в беседе с носителем языка. Открыл уже рот, и вовремя среагировал, раздался характерный щелчок – выскочило лезвие из «выкидухи». Ахнуть не успел, отпрянул, вывернул руку и тыльной стороной ладони отвел несчастье, а правой рукой схватил бандита за горло да послал «головной частью туловища» в стену. Треснула затылочная кость – словно яблоко надкусили. А ведь твердил себе: никаких бесчинств. Смотрел оторопело, как парень сползает по стеночке, оставляя за собой кровавый след, затихает, остекленевший взор фикси-

руется в районе ширинки Туманова. Этот тип, возможно, уже знал, существует ли жизнь после смерти.

Павел попятился, бросился к входной двери. Хорошо хоть не выскочил на улицу, замер, стал настраиваться на нужную волну. Каким-то долгодумающим он стал. Вернулся в зал, прикрыв за собой дверь, и с невозмутимой миной прошествовал мимо барной стойки. Бармен открыл от удивления рот, обрадовалась путана, возле которой с примирительной миной уже вился носатый черный таракан. Он направился к задней двери. Отогнулись шторы, выбрался вышибала, уставился на него немигающим взглядом, скрестив руки на груди. Туманов спрятал правую руку в карман – и правильно, костяшки в крови.

– Я пройду, приятель? – спросил он миролюбиво.

– Не пройдешь, – покачал головой здоровяк. – Только для сотрудников ресторана. Ты не сотрудник. Ты даже не постоянный клиент.

– А так пройду? – Туманов сунул в карман другую руку, выудил несколько мятых «печатников». – Я просто пройду, дружище, – и сразу на улицу. Скверная история, войди в положение, муж любовницы бандитов подогнал – на крыльце ждут. Ты же не хочешь, чтобы они тут все разнесли?

Перефразируя известную фразу, добрым словом и купюрой можно добиться гораздо большего, чем одним добрым словом. Павел выбежал в темноту через черный ход, прыгнул с высокого крыльца. Бросился на узкую дорожку вдоль дома, запинаясь о какую-то бочкотару. Замер на углу, схватился за колотящееся сердце и осторожно выглянул. Питерские дворы – отдельная грустная тема. Осторожные стены, узкие подворотни, дворы-колодцы с единственным проходом. Если не живешь в этом районе, то можно плутать до бесконечности. Он бросился в просвет между зданиями – в другую сторону от Гончарной улицы. Прижался к стеночке, прислушался. На съемной жилплощади теперь ему лучше не появляться. А где ему, собственно, появиться? Телефоны организации, на которую он беззаветно трудится, стыдливо помалкивают, денег в кармане с гулькин нос – тысяч десять-двенадцать. От силы на бутылку виски хватит, или на такси до Выборга, или проститутку снять ту самую, да у нее и отсидеться...

Про десять «президентов Франклинов», спрятанных за подкладкой, он и думать не смел. Это НЗ, это когда уж совсем невомогу станет...

Машина вывернула из-за угла, когда Туманов лихорадочно решал вопрос о переселении своей души. Слепящий свет прорезал сумрак. На него, едва не царапая бортами стены, мчался джип! Туманов пустился наутек, в несколько прыжков перемахнул через подворотню – и нате вам, чего и боялся – замкнутый двор-колодец, во дворе никого, в отдельных окнах свет, несколько подъездов – разумеется, закрытых. Павел затравленно вертел головой – малоэтажная пристройка, втиснутая между зданиями, а в щель – как между плитами пирамиды Хеопса – даже булавку не воткнешь! С обратной стороны, вероятно, магазин и большая улица, если верить гулу трафика. Он спохватился – джип, дико рыча, вырвался из арки. До финального свистка оставалось, похоже, недолго. Преследователи не стреляли – мелочь, а приятно. Попугать решили. Конечно, он им нужен живым! Особенно парню по имени Хаало – тот должен знать, что у Туманова остались связи с сослуживцами из «Муромца».

Он побежал в глубину двора, водитель вывернул баранку и подался туда же. Плохо работали ребята, лучше бы спешились. Павел сменил направление, выпрыгнул буквально из-под колес. Машина пронеслась и начала неуклюже разворачиваться. Туманов попятился к мусорным бакам и, когда машина, набирая скорость, помчалась на него, ждал до последнего. Был верный шанс стать украшением капота, но он ушел от удара – сорок лет за спиной, а реакция не подводит. Ломался металл. Павел не отказал себе в удовольствии, обернулся, прежде чем броситься обратно в арку. Всегда приятно посмотреть, как разбивается не твоя машина. Вот и ошибка! Джип протаранил мусорный бак, расшвыряв его содержимое по двору. Повреждения

были незначительные – миллиона на четыре. Двое выпрыгнули из распахнувшихся дверей, пустились наперерез, перекрывая отход. Трех секунд не хватило! Как в считалочке, ей-богу – колдуй, баба, колдуй, дед, двое справа, наших нет. Туманов побежал назад – к малоэтажной пристройке. Кажется, там просматривалось что-то, похожее на пожарную лестницу. «Ночное видение» не подвело – лестница имелась. Он в прыжке уцепился за нижнюю перекладину, сделал подъем-переворот. В лучшие годы поизящнее бы вышло, но сойдет.

За спиной уже топали. Лязгнула затворная рама. Эка невидаль – всего лишь парни с пистолетами. Первый подбежал и что-то каркнул – типа, стой, а то стреляю. Схватил Туманова за лодыжку. Он отбил ногой и, кажется, попал удачно. «Горячий парень» глухо охнул. Туманов стал карабкаться по лестнице. Пули в спину он не боялся. Если был приказ взять живым, бандиты не станут совершать необдуманные поступки. Они не камикадзе. Обернулся – двое прыгали в нетерпении, подсаживали третьего, а тот, похоже, давно не посещал спортзал. Лестница угрожающе трещала – она была старая, ржавая. Вряд ли ею часто пользовались. Разве что местные детишки. На вес двух взрослых кабанов она рассчитана не была. В какой-то миг Туманову показалось, что сейчас она оторвется. Дух захватило, он запрыгал через перекладины. Схватился за поручни, вылетел на крышу. Конструкция действительно разболталась. Лопнул сварной шов. Павел вновь схватился за поручни, начал раскачивать лестницу. Хлипкое устройство ходило ходуном, душераздирающе трещало. Он тряс его, выворачивал. Бандит одолел половину пролета, когда понял, что пора обратно. Кронштейн с хрустом вывалился из стены. Посыпались осколки кирпичей из кладки. Туманов сам едва не повалился вместе с лестницей. Отпрынул. Крыша была плоская, он чувствовал себя на ней вполне комфортно. Осторожно глянул вниз. Лестница обрушилась, придавив несчастного, да еще и треснув его по лбу. Он стонал, сучил конечностями. Двое прыгали вокруг него, как дети вокруг елки. Додумались оттащить лестницу.

– Эй! – заорал Туманов. – Вставай, чего разлежся! Нечего корчить из себя пострадавшего!

Один из недотеп вскинул пистолет. На всякий случай Павел убрался – могут и пальнуть сгоряча. Но выстрела не дождался. Он мог бы посидеть на этой крыше, как гордый орел на вершине Кавказа, но внизу засуетились. Пострадавшего освободили, взревел мотор. Все правильно, один останется сторожить во дворе, двое заедут с улицы. Ползет Туманов обратно – получит пулю в ногу. Или в руку. Он огляделся. Две стены и ни одной лестницы, а с третьей стороны действительно улица. Там относительно оживленно: проехала машина, отсвечивала вывеска. Павел побежал, увязая в снежно-мусорной каше. Странная конструкция – зачем на здании пожарная лестница, если с другого конца ее нет? Была когда-то? Чертыхаясь, он сполз с карниза, сгруппировался и спрыгнул на крышу киоска, примыкающего к магазину. Крыша оказалась покатой – поехал вниз, упал на колени, стал сползать, держась за какой-то выступ. Приземлился относительно удачно. Тряхнул головой. Все выпитое этим вечером запросилось наружу. Он понятия не имел, где находится. Незнакомая улица, дома – отнюдь не небоскребы, моргала вывеска какого-то скромного заведения. «Главное, не паниковать, – приказал себе Туманов, – ты просто вышел на новый жизненный уровень».

В машине, припаркованной через дорогу, зажегся зеленый огонек, включились габариты, завелся мотор – водитель, кажется, проснулся и решил поработать. Такси в создавшейся ситуации было излишним. Павел бросился через дорогу, махая рукой, забрался на заднее сиденье старого «Ситроена» с подвязанным веревочкой бампером. Отсек водителя был отгорожен стальной решеткой. В последнее время таксисты, имеющие лицензию, стали оборудовать машины такими штуковинами. И не потому, что насмотрелись иностранных фильмов – необходимость была. Таксистов грабили, калечили, убивали. Профессия городского извозчика становилась самой опасной из всех гражданских ремесел. Приоткрылось окошко – крохотное, но вполне достаточное, чтобы просунуть купюру. Показался настороженный глаз.

– Убегаешь от кого-то, парень?

Наблюдательный народ.

– Да нет, – небрежно отмахнулся Павел. – Успеть хочу в одно место до конца света... тьфу, смены.

Водитель гоготнул. Не стал расспрашивать, что за смена такая.

– На Садовую, – сказал Туманов.

– Да куда угодно, лишь бы не вплавь по Неве, – буркнул водитель, отъезжая от тротуара.

У поворота Павел обернулся. Джип с горячими парнями вылетел из проулка, как черт из шкатулки, затормозил у закрытого магазина. Две тени выпрыгнули наружу, заметались. «Ну-ну», – подумал Туманов, закрывая глаза.

Усталость навалилась безграничная. Не хотелось шевелиться. Хотя впору было выходить, сказать, что передумал, сунуть шоферу какую-нибудь незначительную мелочь, чтобы не митинговал. Он начал проваливаться в сон и вдруг почувствовал, что машина встала. Открыл глаза, завертел головой. Черно вокруг. Вроде подворотня, какая-то штуковина – то ли подстанция, то ли будка трансформаторная. Павел заволновался.

– Эй, шеф, почему не едем?

– Постоим минутку, – как-то тяжеловато произнес шофер. – Подождем кое-кого. Да ты не волнуйся, все нормально будет.

Не волноваться? Все предчувствия вспыхнули, как танкер с нефтью. Он сделал попытку открыть дверь – та оказалась заблокированной. Потянулся к другой – та же история.

– Ну, чего ты там разбуянился? – добродушно забухтел водитель. – Уже идут сюда наши приятели. Вон они – вижу...

Павел согнул ноги и ударил сомкнутыми пятками в дверь. Та хрустнула. Он ударил еще раз – неужели не вышибет?

– Ах ты, падла, машину мою курочить... – распахнулось окошко, вылезла конечность, в которой что-то было. Туманов почувствовал легкий толчок. А затем удар невиданной силы, что-то затрещало, потянуло гарью – и Павел отключился...

Сознание временами возвращалось. В машину подсели трое – один к водителю, двое в компанию к Павлу. Сжали – не пикнуть. Молчали, как глухонемые. Сил сопротивляться не было. Спокойствие снизошло почти буддийское. «Да упокоюсь я с миром», – думал Туманов, проваливаясь в сон. Долго тряслись. Сознание вернулось, когда его выводили из машины. Горел фонарь, он разглядел приземистое вытянутое строение – то ли ангар, то ли завод. Свежий воздух подействовал отрезвляюще. Руки ему не выкручивали. Справа – непроницаемо-бульдозье рыло, слева такое же. Он ударил согнутыми локтями – видимо, думал, что разлетятся. Но не судьба. Кто-то проворчал за спиной:

– Как-то это недружественно, Павел Игоревич.

Его схватили за локти, потащили в черноту строения...

Туманов окончательно очнулся. Над головой железные балки, плетения проводов, махина порталного крана. Помещение какое-то бесконечное. И впрямь похоже на ангар. Он находился в частично отгороженном брезентом отсеке, сидел на старом продавленном диване. С живописно-ржавой тавровой балки свисала гирлянда мутных лампочек (последовательное включение – вспомнил он из курса физики для двоечников). Пара стульев, кушетка, на столе рябил монитор. Призрачные тени клубились над душой. Прошло немного времени – ясность в голове восстановилась, вернулось зрение. Призрачные тени растворились. Раздалось покашливание, в проеме между брезентовыми шторами возник молодой автоматчик в форме, с любопытством посмотрел на приходящего в себя Туманова, убыл на доклад. Павел мысленно досчитал до двадцати. Вошли трое.

– Вы в порядке, Павел Игоревич? – прозвучал доверительный мужской голос. Он поднял голову. Говорящий стоял напротив, в нескольких шагах. Поджарый, рослый, стриженный под

машинку и выбритый до сияющей синевы, одетый в щеголеватую шерстяную полувоенную форму. Сапоги он не носил – предпочитал остроносые, начищенные ваксой ботинки.

– Я похож на человека, у которого все в порядке? – пробормотал Туманов, переводя глаза на остальных участников собрания. – Доброй ночи, господа. Бьюсь об заклад, вы не финская мафия.

– Боже сохрани, – лукаво улыбнулся седоватый широколицый господин в гражданской одежде. – Людей, что на вас напали, уже нейтрализовали. Не считая, конечно, тех, с которыми вы сами справились. Не растеряли былой сноровки, Павел Игоревич? Это приятно. Будем надеяться, что скоро выйдут на их руководство.

– Мы не враги, – произнес третий участник «совещания» – невысокий, в очках, с залысинами на лбу, высота которого наглядно убеждала, что физическому труду господин предпочитает умственный. – Более того, Павел Игоревич, мы ваше, если можно так выразиться, непосредственное начальство. Можем вас связать с генералом Карагуевым – он прояснит ситуацию, а также причину, почему вас месяц держали в подвешенном состоянии.

– Да уж, будьте любезны, соедините, – проворчал Туманов.

– После разговора, – отрезал обладатель короткой прически. – Для начала представимся. «Можно подумать, мне не наплевать, кто они такие», – подумал Туманов.

– Вы плохо выглядите, господин Туманов, – усмехнулся очкарик. – Перегибаете с выпивкой.

– На втором месяце похмелья, – отшутился Туманов. – Тошнит и тянет на соленое. Может, обойдемся без критики?

– Да уж, воздержитесь от критических замечаний, Александр Моисеевич, – поддержал седоватый. – Люди сами решают, опускаться им или нет.

– Горгулин Игорь Матвеевич, – сухо представился человек в форме.

– Я знаю, – вздохнул Туманов, – Вы заместитель командующего Московским военным округом. Ранее возглавляли 12-ю десантно-штурмовую дивизию, отличившуюся под Нальчиком.

– Отлично, – кивнул Горгулин. – О моем членстве в «Бастионе» вы, конечно, знаете. Представляю своих коллег. Листовой Станислав Терентьевич (седоватый приветливо помахал ладошкой, приседая на тахту). В миру, так сказать, ответственный работник в Министерстве обороны. Занимается снабжением войск. Левиц Александр Моисеевич – глава комитета Директории по оборонной политике.

Этот тип казался каким-то сомневающимся. Оседлал стул и уставился на Туманова с не очень завуалированным недоверием. Было в нем что-то от Лаврентия Павловича Берии.

– Почему вы сопротивлялись? – спросил он.

– Издеваетесь? – усмехнулся Туманов, – За мной, вообще-то, гнались парни Хаало. Не уверен, что они хотели расписать со мной партию в «тысячу». А на ваших людях не висели таблички, что они работают на «Бастион». Раз уж вы пасли меня, господа, могли бы и пораньше вступить в игру.

– Никто вас не пас, – поморщился Горгулин. – На квартире вашу сиятельную персону не застали. Сообщили о шумихе в «Орионе», выдвинулись несколько групп. Оперативники из четырнадцатого отделения уже чесали затылки. Один покойник, один покалеченный. Вы не знаете, кто над ними потрудился, Павел Игоревич?

– Ума не приложу...

– Хотите кофе? А то от вас, извиняюсь, аромат такой дурманящий – нам завидно.

– Попозже.

– Как угодно. Итак, – Горгулин заложил руки за спину и начал расхаживать взад-вперед, – вы уже поняли, что никакой вы не пленник. Но имеете перед конторой определенные

обязательства. В данный момент мы находимся на базе ВВС южнее Пулково, вблизи поселка Подгорелово. Расположение 24-го истребительного авиаполка Министерства обороны.

«Трое в лодке, – подумал Туманов, – не считая парторга».

– Предлагается принять участие в одном деле. Не на правах, разумеется, старшего, но и не рядовым исполнителем. Вашу кандидатуру предложили люди... э-э... видевшие вас в деле.

«Как это ново, – подумал Туманов. – А моя обещанная отставка?»

– Заодно решим проблему вашего свободного времени, – подмигнул Листовой.

– Боюсь, я не располагаю информацией об этом человеке, – поджав губы, сообщил Левиц. – А если я не знаю человека, как могу ему доверять?

– Александр Моисеевич, вы готовы обворчать любую идею, – упрекнул Листовой.

– А вот нам с Листовым кое-что про него известно, – парировал Горгулин. – И даже про отношения с некоей Людмилой, соседкой по коммуналке. Простите. Мы не порицаем вас. Мужчина должен вести полноценную жизнь. Тем более в отсутствие близких людей. Вы напряглись? Знаем мы про ваши траурные рамочки. Детский сад, право слово. Дина Александровна Красилина жива. А также жив ее сын Антон и беспокойная девица Алиса Русакова, которую в силу занятости вы так и не удосужились удочерить. Они не погибли при землетрясении в Турции, о чем вами было заявлено. Упомянутые лица проживают в живописном уголке Швейцарии под названием Шветтер и с нетерпением ожидают, когда же Павел Игоревич с ними воссоединится. Дина Александровна – настоящая женщина. Вырастила сына, построила дом, посадила недавно вишню в саду... Понимаем ваше стремление обезопасить близких. Не волнуйтесь, с ними ничего не случится – если, конечно, в наши с вами отношения не закрадется толика напряженности. Но этого, уверен, не будет. Павел Игоревич дисциплинированный и ответственный товарищ. Он многое сделал для нашего дела, мы преклоняемся перед его заслугами, ценим, уважаем...

– Бывает же такое, – прохрипел Туманов. – Еще не выпили, а тебя уже уважают.

– У Павла Игоревича искрометное чувство юмора, – вступил Листовой. – Отмечались некоторые попытки... скажем так, неповиновения, но мы закроем на них глаза. Заслуги господина Туманова трудно переоценить. Ну что ж, время терпит, – Листовой посмотрел на часы. – Давайте разоведем тему. До 98-го года Павел Игоревич Туманов работал оперативным уполномоченным уголовного розыска в большом сибирском городе – назовем его Н-ск. По глупости загремел на базу Ордена под Карадымом – это глубоко в Алтайских горах, – где проводились работы по программированию чиновников среднего звена с помощью незабываемого препарата «А».

– Проект «Лаборатория», я знаю, – с достоинством кивнул Левиц.

– Всего же в новейшей истории Орден запускал три проекта, – внес справку Горгулин. – Проект «Лаборатория» – долгосрочное программирование работников государственного аппарата; проект «Импэкс» – попытка пошатнуть сложившийся мировой порядок посредством наркотика «Бласт», созданного на основе препарата «А»; и проект «Питомник» – сложная операция, начатая еще в 60-х годах органами ГБ – поддержка и воспитание людей с так называемым геном «везучести» – потомки этих счастливиц в третьем поколении должны были пройти специальный курс и стать солдатами будущего.

– Диверсантами будущего, – поправил Листовой. – Кому в наше время нужны универсальные солдаты? «Ген везучести» – это не выдумка ученых, а такая же реальность, как, скажем, раковая опухоль. Одним везет, другим не всегда, у третьих вообще все из рук валится. Господин Туманов и госпожа Красилина, сами того не ведая, были опытными образцами последнего проекта. Дети третьего поколения, так сказать. Почему они живы до сих пор? Почему выпутываются из всех передрыг? Именно поэтому. Ну, и мозгами, конечно, работают.

«Конец цитаты», – подумал Туманов.

Откашлявшись, Листовой продолжил повествование.

– Проекты Ордена не то чтобы провалились – им просто не позволили работать на полную мощность. И в борьбу с каждым проектом наш герой, а также Дина Александровна внесли свои достойные лепты. Убегая с базы под Карадымом, Павел Игоревич прихватил с собой Дину Александровну. Да, им везло, в тайге, конечно, было тоскливо. Могло закончиться трагедией, но на выручку пришел спецназ нашей организации, собравшийся покончить с базой. С этого времени наши персонажи работают на «Бастион» – организованную группу высшего офицерского состава армии, МВД, ГРУ, ставящую перед собой задачу превратить Россию в сильное независимое государство с эффективной армией и действенной политической системой. Не диктатура, не тупое копирование западной демократии, с которой у России не может быть ничего общего, а особый путь, не отрицающий элементов народовластия и социальной справедливости.

– Суверенная демократия, – глядя в пространство, пробормотал Левиц.

Двое удивленно посмотрели на третьего.

– А это что за зверь? – спросил Листовой.

– Не знаю, – пожал плечами Левиц, – наваяло.

– Запатентуйте, – усмехнулся Листовой. – Может пригодиться. Вторая основная задача нашей организации – противостояние мощной, тайной и отчасти мистической силе, которую мы называем Орден. Организация, в отличие от нашей, имеет многовековую историю, возглавляется кучкой людей, называющих себя Капитулом, и претендует на влияние в глобальном масштабе. Нам же достаточно порядка в собственной стране.

– То есть мы хорошие, а они плохие, – сухо рассмеялся Левиц. – Занимательная конспирология.

– С оговорками, – подал голос Туманов, – про плохих и хороших.

– Согласен, кристально чистые персонажи только в Библии, – сказал Листовой. – В 2000 году на выборах с подачи Ордена победил Национал-патриотический фронт – кучка зомбированных полуфашистов. Хотелось бы отметить, что наш многострадальный народ никогда не голосовал за фашистский режим. Голосовали за людей, декларирующих разумную и взвешенную политику. Поэтапный выход из затянувшегося ельцинского мракобесия, война с бандитизмом, строительство социального государства, разумный баланс между государственной и частной собственностью, реформа органов МВД, обуздание appetitов олигархов. И куда все подевалось? Победители объединились в Национал-патриотический фронт – и стали другими людьми! Марионетками в чужих руках. Вырос железный занавес, разгорелась война на Кавказе, воцарилась диктатура, да такая, что коммунисты тихо заплакали от зависти. Дина Александровна эмигрировала в Чехию, оттуда подрывала антинародный режим. Павел Игоревич подрывал его здесь. Работал проект «Импэкс» – приобщение мирового сообщества к новому наркотику потрясающего действия. К счастью, далеко не зашло. Орден сообразил, что с патриотами хватил лишку. Эксперимент решили свернуть, на Запад с поклоном отправилась делегация, возглавляемая неким Беляевым. Купили кое-кого в Евросоюзе. Но операция Ордена провалилась, «Бастион» уже готовил восстание. Всплыли из мрака фамилии членов Капитула. Их ликвидировали – в одну безлунную ночь. В группе ликвидаторов был Павел Игоревич. Выжил только он. Благодаря Туманову, силам, верным делу... хм, демократии, удалось взять под контроль ключевые объекты. Власть патриотов рухнула, как глиняная баба...

– Я получил награду в виде бомбы под сиденьем собственного автомобиля... – с трудом выговорил Туманов, скулы свело.

– Решение принимали не мы, – не смутился Горгулин. – Лично я бы не позволил такого расточительства. Это глупо: не будь таких, как вы, не было бы таких, как мы. Итак, в стране разруха, новая власть пытается сделать хоть что-то, чтобы не стало еще хуже, а тут еще и Орден со своими происками вроде проекта «Питомник» – нацеленного на создание диверсанта будущего.

– Ничего себе происки, – скривился Туманов. – Орден проделал отличную работу. Законспирированные господа сознательно подставили вам свой так называемый Капитул – четверых несчастных, от которых было больше вреда, чем пользы. А сами благополучно расплозились по структурам новой власти. Им не было резона подрывать эту власть – зачем им полностью разваленное государство? Нарушится неустойчивое равновесие в мире, а это чревато последствиями, которые Ордену не нужны.

– Не без этого, – кивнул Горгулин. – В целом их нашли и тихо устранили. Но недобитки остались, вы правы. Наш герой ушел на дно, просидел полгода то ли в Удмуртии, то ли в Мордовии, едва не женился на порядочной женщине, но обстоятельства сложились так, что пришлось покинуть насиженное место и податься на поиски приключений. Поднимался с колен монополист «Росгаз». Павел Игоревич устроился в одну из его структур по линии службы безопасности. Забрался по служебным делам в глушь Красноярского края, попал на секретную базу, где Орден обкатывал методики подготовки того самого диверсанта, благополучно выбрался, прихватив с собой в качестве игрушки вредную девчонку Алису Русакову, а по пути... не поверите – нашу дорогую Дину Александровну, которую нелегкая занесла в ту же область! Кто не верит в мистические предопределения или пресловутый ген везучести, может нервно покурить. Эта компания непотопляема, господа.

– Хотите сказать, если я сейчас выстрелю Туманову в голову, произойдет осечка? – заинтересовался Левиц.

– Не советую экспериментировать, – предостерег Листовой. – Ничего бессмертного в этом господине нет. Он не вампир. Выпутываться из ситуаций Павлу Игоревичу помогают, помимо везения, находчивость, способность думать и богатая интуиция. Сегодня, по крайней мере, он был на волоске от смерти. Я имею в виду людей Хаало. Работать в прежнем качестве Павлу Игоревичу и госпоже Красиной после трогательной встречи расхотелось окончательно. Выбравшись из капища зла в цивилизацию, они сделали себе поддельные документы, предприняли попытку улизнуть из страны. Но наших героев перехватили оппоненты из Ордена, Дина Александровна вырвалась, а Туманова под почетным эскортом сопроводили обратно в Красноярский край. Промыли мозги, добились послушания...

– Предпочел бы пролистнуть эту страницу биографии, – пробормотал Туманов.

– Она не красит вас, это точно, – согласился Листовой. – Но любовь способна на безумство. Дина Александровна, заручившись поддержкой коллег, вытащила Туманова из тренировочного лагеря, привела в чувство... и уже в заключение Павел Игоревич отвел душу. Вам не являются по ночам души убитых вами людей?

– Ни одна не приходила, – слегка приукрасил Туманов. – Совесть чиста, не надейтесь. В этой компании я не видел ни одной приличной физиономии. Все, что со мной происходило, господа, исключительно по вашей милости. И Ордену меня подставили ваши коллеги.

– Я слышал об этой операции, – сказал Горгулин. – Частично она увенчалась успехом. Пару ребят из Ордена удалось достать. Вы были тяжело ранены в ходе боя на таежной заимке. Вас вывезли во Францию, вы прошли курс реабилитации в частной клинике, а потом... пропали. Пропали вы, Дина Александровна, ее сын, Алиса Русакова – все благородное семейство. След пропавших отыскался в Италии, но когда к вам пришли, чтобы мирно побеседовать, взорам гостей предстала пустая квартира. Потом вы были замечены в Турции – и надо же такому случиться – произошло разрушительное землетрясение в семидесяти километрах от Анкары. Под развалинами погибли ваши близкие, а сами вы вскоре прибыли в Россию, связались с руководством, покаялись, согласились работать на благо страны. Все разумно, Павел Игоревич. Вы поняли, что когда-нибудь вас найдут, и вашей компании не поздоровится. Пошли на меньшее из зол. Припрятали близких в швейцарском местечке, а сами явились с «повинной» в надежде заработать вольную. Вас приняли в ряды, и вот уже полтора года вы трудитесь с завидной самоотдачей. Последнее ваше дело – выше всяческих похвал...

– А теперь к насущному, – сказал Листовой. – Нас поставили в известность, что вы мечтаете бросить надоевшую службу...

– Может, не будем касаться моих иллюзий?

– Да, простите, – усмехнулся Листовой. – Получая не то, что хочешь, обретаешь опыт. Эта работа будет последней, Павел Игоревич, – клянусь. К вопросу о недобитках. Вы знаете, какое положение в стране. Разруха, отчаянные попытки вытянуть страну из пропасти. Но повод к оптимизму имеется. Не за горами президентские выборы, а там – при благоприятном их исходе – помощь Запада не на словах, а на деле, инвестиции в промышленность и так далее. Мы работаем со спецслужбами западных стран – получаем информацию о деятельности организации... не к ночи будь помянутой, делимся с ними собственными сведениями. Временами проводятся совместные акции.

– Я закончу, – сказал Горгулин, – а то Станислав Терентьевич еще долго будет растекаться мыслями по дереву. Готовится серьезная операция. Вам предлагается влиться в группу спецназа. Группой командует майор Шальнов. Вы будете его заместителем – то есть непосредственно подчиняться только ему. Задание сложное и специфическое. С помощью наших западных товарищей была выявлена крупная база Капитула. Это собрание архивов и прочей полезной документации.

– Шутите? – удивился Туманов. – В наше время все архивы Ордена могут уместиться на одном диске.

– Это не так, – покачал головой Левиц. – На одном диске они не уместятся даже в наше время. Орден существует три столетия – как вы себе это представляете? Собрание пыльных архивов, которые трудно оцифровать, да и кто этим будет заниматься? Имеются видеозаписи, фотоматериалы. Весьма занятая коллекция. Не какой-нибудь старый сундучок, который вы нашли у пожилого геолога, а буквально все, что связано с именем Ордена. Это не просто увлекательное чтение. При обнаружении материалов полетят головы у многих видных мировых политиков. Думаете, три столетия Орден варился в собственном соку? Ничего подобного. Контакты обширны, сферы деятельности – безграничны.

– Кажется, понимаю, – усмехнулся Туманов. – Владея данной коллекцией, можно непридуманно понукать сильными мира сего.

– И не только, – усмехнулся Листовой. – Представьте, Павел Игоревич, вот если бы вам предложили загрузить в тележку все знания, накопленные человечеством за три столетия...

Предложенная версия заслуживала скептического отношения. Но Туманов молчал. Отклонить предложение все равно не сможет.

– Часть архивов нужно вывезти, – сказал Горгулин. – Но не стоит думать, будто эта кладь информации не охраняется. Объект засекречен, охрана обучена. Отсюда и вытекает операция спецназа. Это не просьба, Павел Игоревич, это приказ.

– Просто подается в виде просьбы, – хохотнул Листовой.

– Отнеситесь к заданию серьезно. Возможно, это самая серьезная операция, предпринимаемая нами против Ордена за последние два года. Отсюда и подбор кадров – очень тщательный. Группа не должна быть большой, но каждый боец обязан стоять батальона. Общий состав – двенадцать человек. Вас соберут в одном месте, подробно проинструктируют. Начало операции, я думаю, через два-три дня...

– И где же находится этот дом дьявола? – пробормотал Туманов. – Вы много говорите, господа, но не сказали самого главного. Где это славное местечко? В глуши сибирской тайги, на вершине Эвереста, в йоркширских болотах?

Трое переглянулись.

– В принципе, недалеко, – растягивая слова, произнес Горгулин. – Сравнительно недалеко, конечно. Баренцево море...

– Или Норвежское? – задумался Листовой.

– Нет, пока еще Баренцево. За Полярным кругом. Там не холодно – слава Гольфстриму. Норвежские территориальные воды. Восемь миль от берега. Побережье Норвегии, как вы догадываетесь, сильно изрезано, множество бухточек, островков. Это на руку. База Ордена располагается на одном из островов. Скалистый клочок суши, ничего другого там нет. Местечко замкнутое, судоходные пути проходят севернее, и на берегу... хм, не оживленно и не людно.

– Что представляет собой база?

– Увидите, Павел Игоревич, – как-то загадочно ухмыльнулся Горгулин. – Вам понравится, уверяю.

– Сомневаюсь... Способ доставки?

– Не сказать, что блещет оригинальностью, но что-то в этом есть, – встрепенулся Листовой. – Триста миль от острова Рыбачий, что на севере Кольского полуострова, где имеется небольшая база флота. Пути отступления оговорены. По сигналу майора Шальнова на остров сядет вертолет и примет на борт груз. О проблемах с местными властями позаботятся норвежские товарищи...

– Обсуждать технические детали мы не будем, – перебил Горгулин. – Мы донесли до вас, Павел Игоревич, все, что имели сказать. О своих близких можете не беспокоиться. С ними все в порядке... и будет в порядке, пока вы на нашей стороне. Закончите дело, поговорим об отставке. Возвращаться на съемную квартиру не стоит. У вас ведь не столь серьезные отношения с соседкой Людмилой? Все свое при себе, не так ли? За исключением фото Дины Александровны в траурной рамочке... Сейчас вас посадят в машину и увезут в Колпино. Это бывший санаторий Минздрава. Там и соберется группа. Генерал Карагуев с вами свяжется. В нужный час вас доставят куда надо, выдадут амуницию, обмундирование, оружие. Имеются пожелания, Павел Игоревич?

– Постельку помягче, – проворчал Туманов. – Вид из окна, коньяк, кофе.

Горгулин укоризненно покачал головой.

– Может, вам еще и бассейн налить с девочками?

Два дня он провел в кисельном тумане. Постройки бывшего санатория располагались в сосновом бору и практически не просматривались с дороги. Охрана была ненавязчивой – болтались какие-то лица в штатском с обратной стороны забора, менялись машины на внешней парковке. Он бродил по гулким заброшенным помещениям, подолгу стоял у окна. Комнату для ночлега подобрал на первом этаже – там было чисто, имелось белье, постель и даже санузел с умеренным содержанием запаха и полным комплектом фаянсовых изделий. К приезду группы санаторий подготовили, но явно не для долгого отдыха. Работал кафетерий, кормили сносно. Бегала горничная – с бельем и щетками. Девчущку подобрали на славу – такую, что смотреть на нее не хотелось. Тревожные звоночки слились в голове в многоголосый колокольный звон. Не нравилось ему это дело. Но Туманов терпел. Развлечений было немного – погонять шары на бильярдном столе в холле, поворошить глянцевые журналы, изданные в предыдущую эпоху (при националах с глянцевыми журналами было как-то не очень), позаниматься в тренажерном зале, где еще не все тренажеры разворовали. Он сделал попытку выйти за ворота – прогуляться хотя бы до дороги, но серьезно настроенные люди пресекли попытку.

– Прошу вас, не надо это делать, – вежливо сказал человек в кожаной куртке, под которой угадывалась неплохая мускулатура. – Это не тюрьма, Павел Игоревич, но... давайте все-таки потерпим.

К моменту его прибытия в санатории находился лишь один человек из формирующейся команды. Павел забрел в спортзал, а тот, отдуваясь, выжимал увесистые гантели. В годах, но отлично сложенный, обритый почти наголо.

– Шальнов, – протянул он руку. – Майор Шальнов Роман Андреевич.

– Занимаетесь? – спросил Туманов, чтобы хоть как-то поддержать беседу.

– Да вот... врачи, знаете ли, рекомендуют физические упражнения, – майор засмеялся, но лицо осталось серьезным.

Беседы не вышло, никто из них не был настроен на доверительный разговор. Туманов не любил новых знакомств, а майор ждал, пока все соберутся.

– Подъедут, – посмотрел он зачем-то на часы, перехватывая гантель, – не сегодня, так завтра. Группа – сборная солянка, из разных ведомств. Есть люди даже с Дальнего Востока. Не хотите гантели побросать?

– Да нет, спасибо, Роман Андреевич, – Туманов стушевался. – Мои врачи ничего не говорили про физические упражнения...

Вечером следующего дня его связали с генералом Карагуевым. Павел валялся на кушетке, взгромоздив ноги на переносной телевизор. Постучав, вошел человек с непроницаемым лицом, сунул трубку и сделал витиеватый знак – канал надежен, а сам он будет ждать за дверью.

– Мы всячески извиняемся, Павел Игоревич, – прогудел в трубку генерал, – Таков был приказ – придержать вас до особого распоряжения. Мы солдаты, научены выполнять приказы. Никто не мог представить, что вам на хвост упадут люди Хаало. По данным питерских чекистов, они свернули свой бизнес, транспортная компания «Мура» объявила о банкротстве, Хаало вылетел в Швецию. Ошиблись, бывает. Сами виноваты, нечего было болтаться по городу. А телефоны молчали, потому что поступило распоряжение – временно закрыть все каналы в связи с возможной утечкой информации. Какой именно информации – не сообщалось.

– Да ладно вам оправдываться, товарищ генерал. Вы в курсе операции «Бастиона» в Баренцевом море?

– Да, я примерно в курсе, – Карагуев помолчал, прежде чем ответить, – не стоит об этом говорить даже по закрытому каналу. Выполняйте распоряжения контактирующих с вами лиц. Удачи, Павел Игоревич.

Генерал отключил связь. Туманов озадаченно смотрел на телефонную трубку. Начал выбираться из кровати, чтобы отнести ее человеку в коридоре. Но передумал, подкрался на цыпочках к двери, послушал, на носках удалился в санузел и прикрыл за собой дверь. Защищенный канал связи – это просто мечта. Он отбил вереницу цифр.

– Почему же она не берет? – бормотал, приплясывая от нетерпения, Павел. – Почему не берет?

А когда ответили, горячий пот хлынул со лба, ноги сделались ватными, и рот произвольно расплылся до ушей.

– Здравствуй, родная, это я... – прошептал он. Голос срывался.

– Паша! – Голос Динки в далеком Шветтере тоже срывался. – О, господи! Ты так давно не звонил...

– Надеюсь, ты не вышла замуж? – пошутил он.

– Вот теперь узнаю. – Она засмеялась. – Все в порядке, родной?

– Конечно.

– Говорить можешь?

– М-мм... – он замялся, – желательно лирику.

– Отлично, дорогой. Судя по голосу, у тебя не так уж шоколадно?

– Да нет, все в порядке, – Туманов сделал над собой усилие. – Просто разговариваю с тобой за счет российских налогоплательщиков. Не сказать, что чувствую при этом угрызения совести... В общем, не молчи, хочу слышать твой голос. Говори, рассказывай. Чем занимаешься?

– Как обычно. Блюда свою нравственность, вышиваю мальтийским крестиком.

– Получается?

– Крестом – да. Шучу. Ты когда приедешь? – Похоже, она зажала трубку ладонью. – Месяц назад ты обещал, что приедешь через месяц.

– Скоро. Через месяц. – Он заволновался: – Ты не одна?

– Это соседка – мадам Розмари, ты ее знаешь. Она тут через ограду свешивается, я в саду... Я так и знала, что ты не приедешь, Туманов! Черт, это когда-нибудь закончится? Подожди, она о чем-то спрашивает... – В трубке сделалось глухо, Динка что-то тараторила по-французски. Пока он до нее доберется, она не только французский выучит, но и немецкий и половину итальянского. – Она ушла, Паша. Спрашивала, не зайдем ли мы сегодня с Антошей к ней вечером на яблочный пирог. У мадам Розмари дочь – примерно возраста Антошки, она страстно хочет их познакомить. Ведь она считает, что Алиса – сестра Антошки.

– Ребенок Розмари? – пробормотал Туманов, – Не вздумай их сводить вместе – от греха подальше... Рассказывай, Динка, рассказывай – как дела, как дети? Ходят в школу?

– Ты спятил. Они уже окончили школу...

– Ну и ну, – засмеялся Туманов. – А в России так медленно идет время...

– Старее я, Пашенька, – скорбно призналась Дина. – Свойство у нас, у баб, такое – активно подвергаться старению. Толстой стала. Представляешь, я уже такая толстая, меня скоро «Боинг» не поднимет. А вот Алиса красавицей растет. Я должна быть бдительной – когда Антошка проходит мимо ее спальни, с ним что-то происходит. Я, конечно, далека от мысли, что он чувствует то же, что чувствует любой мужчина в его возрасте...

– Гомо эректус? – засмеялся Туманов.

– Фу, как пошло. К сожалению, ты прав – пубертатный период. А в целом жизнь как жизнь. На днях приходили из опекунской службы – я прогнала их вилами. Зимы почти не было – уже листочки зеленеют. Половину Швейцарии в декабре смыло половодьем, но это была не наша половина. Цены опупенные, даже не знаю, удастся ли безбедно дожить до твоего приезда... Да, чуть не забыла, вчера я наконец-то попала в аварию. Ехала по перекрестку, на свой красный – ну, подумаешь, немного скорость превысила и дальний свет забыла выключить, когда из тоннеля выехала. Но ведь трезвая была! И на встречную почти не выезжала. А этот гад – видит же, что женщина едет, мог бы пропустить, так нет, бросился на меня на своем «хорьке», как на амбразуру. Не волнуйся, я даже не ушиблась, капот немного помяла. Дорожная полиция слетелась аж на трех машинах, права отобрали, машину тоже, да еще и таких обидных вещей наговорили. Придираются, в общем.

– Придираются, – вздохнул Туманов. – Знаешь, Динка, когда ты рядом, меня всегда преследует необъяснимое чувство тревоги. А когда тебя нет, я просто в панике. Особенно после таких заявлений. Скажу честно, я очень рад, что тебя лишили прав и машины.

Он скомкал беседу, попрощался – человек за дверью начал выказывать признаки нетерпения. Удалил из телефона информацию о последнем разговоре, вернул аппарат, провалился в беспокойный сон.

Вечером по холлу кто-то сновал, стучали шары, смеялись люди. Туманов выбрался из убежища, побрел знакомиться. Прибывшие сбрасывали рюкзаки, сумки, оживленно переговаривались. Каждый считал своим долгом схватить кий и красиво промазать по шару.

– Долголетов, – сунул мозолистую ладонь улыбчивый крепыш в засаленной штормовке, – спецназ ГРУ. Из-под Коломны. И еще двое таких же – представляю с удовольствием: Рудик Газарян, Саня Могильный.

Он пожимал протянутые руки, что-то говорил, а сам витал над солнечной Швейцарией. Каждый раз после разговора с Диной он мучительно долго приходил в себя, проклинал эту страну с ее порядками, грезил о каком-то мифическом, пусть даже СЕМЕЙНОМ, счастье. И не мог понять, что творится вокруг. Жилистый чернявый Газарян долго тряс ему руку, издевался над молчуном Могильным, который террористу в глаз с километра попадает, а по шару бьет хуже бабы. На предложение самому ударить Газарян смутился, заявил, что душа обязана

ленился, и ушел спать. Так же поступили еще двое прибывших – Ольшан и Кашеев из-под Можайска.

– Если что, свистите, мужики, – и разбрелись по комнатам, заявив, что не спали больше суток – потому что, в отличие от некоторых, не бездельничали, а занимались настоящим мужским делом. К полуночи все опять собрались в холле, рачительный Кашеев извлек из рюкзака литр азербайджанского коньяка, и народ оживился. Потом все вопросительно посмотрели на Шальнова. Майор снисходительно махнул рукой.

– Ладно, гуляем сегодня. Все равно с этого литра не уьемся.

– А мы еще нарисуем, майор, если мало будет, – хитровато ухмыльнулся Кашеев и покоился на свой рюкзачок.

Сидели хорошо, душевно. Газарян, воровато озираясь, отжал буфетную дверь и вскоре вывалил на бильярдный стол гору съестного.

– Ну, не посадят же, – виновато развел он руками. – Должны догадываться, что по ночам мы тоже люди. Уроды какие-то – холодильники запирают на всякие замки.

Выпили обе бутылки коньяка, потом еще виски, хитроумное пойло, обозванное австрийской самогонкой, – знакомый Ольшана ездил по коммерческим делам в Вену и купил другу на тамошнем «колхозном» рынке. Потом Кашеев заявил, что праздник без водки – что паспорт без фотки, и извлек из волшебного рюкзака бутылку вполне съедобной «Столичной». Поговорили о работе, о политике, сошлись во мнении, что политика – дерьмо, и заниматься ею могут только жалкие и ничтожные личности. Кашеев и Ольшан рассказали, как на днях в Можайске ликвидировали банду отморозков, промышлявших грабежами и убийствами на дорогах. Тридцать покойников за несколько месяцев. А шевелиться начали, когда убили племянника тамошнего градоначальника. Предрассветный штурм спецназом заброшенной фермы – яростное сопротивление, в итоге двенадцать убитых бандитов, трое раненых своих, из которых один скончался, не доехав до госпиталя. Это нормально, дружно сошлись во мнении, один «двухсотый» в такой заварухе – хороший показатель. Долголетов и Могильный рассказали о последней операции на Кавказе. Чеченское село в горах, приютившее крупную банду, взяли в кольцо (лазить по горам российские военные, слава богу, научились), предложили тем, кто не считает себя врагом России, с миром уйти, а потом задумчиво смотрели, как авиация разносит деревню на мелкие кусочки. Вести солдат на штурм было бы чистым свинством – все подходы к селу были плотно заминированы. Газарян похвастался, как в прошлом году получил ранение в ногу, и, пока однопольчанине геройствовали, склеил супругу зама комчасти по воспитательной работе. «Какой душевный бабец, мужики, – тоскливо бормотал Газарян, – вот кому бы я отдал сердце со всей грудной клеткой...» Туманов тоже не ударил в грязь лицом, поведал, как при его посильном участии покончили с бандой наркоторговцев в окрестностях Северной Пальмиры. О том, какой «наркотик» гоняли за бугор, скромно умолчал.

– Майор, а вы где служили? – спросил Долголетов у Шальнова.

– Двадцать лет служу, – скривился Шальнов, явственно намекая, что мозоль большая, – еще при коммунистах начал. Нагорный Карабах, Абхазия, Цхинвал. Кем только не был – и инструктором, и миротворцем... Ну, вы это знаете: у кого армия сильнее – тот и миротворец.

Компания дружно засмеялась.

– В девяносто пятом – в Чечню на «белом» танке. Командовал разведвзводом. Давил эту нечисть в горах, на равнинах. В Грозном телестанцию держали – наши уже откатились, а мои ребята три дня в разрушенном здании оборонялись – в окружении, без жрачки. Еще шутили: Дом Павлова в Сталинграде. Под сотню бородатых рыл уложили. А когда совсем не вмоготу стало, взорвали пол в подвале и ушли к своим по канализации, да еще и трубу заминировали... А когда в 2000-м власть сменилась, националы из щелей вылезли, уехал в Приморье, партизанил немного – но так, без фанатизма. В 2004-м снова власть сменилась, вспомнили про меня, «парламентариев» прислали. Возглавил роту спецназа, и снова на Кавказ – ох, как тяжело тогда

было... Все помнят, реальная угроза висела над Ростовом и Ставрополем. В Буденовке эмир Казлаев хозяйничал. На осадном положении жили, теракты каждый день – то автобусы взрывали, то дома, то остановки с людьми. Сейчас потише вроде стало, загнали эту мразь обратно в горы, но все равно беспокойно...

– Майор, а что мы здесь делаем? – спросил Ольшан. – Толком не объяснили – мол, Родина знает, а вам не положено. Откомандировали на несколько дней в распоряжение хрен знает кого, для проведения хрен знает чего...

– Мы тоже ни черта не знаем, – поддержал Могильный. – Нет, приятно, конечно, сидеть тут, пить с вами, разговаривать...

Майор помрачнел.

– Узнаете в свое время, мужики. Операция секретная, велено до срока не болтать. Думаете, мне это в радость? Замучили уже со своей секретностью.

– А вы намекайте, Роман Андреевич, – подмигнул Газарян. – Мы никому, честное пионерское.

«А мне рассказали, – недоуменно подумал Туманов. – Ах, ну да, я же типа заместителя при Шальнове».

Майор задумчиво вертел стакан – видно, грани пересчитывал. Въехала машина во двор, кого-то выгрузила. Полку неинформированных прибыло: в холл ввалились еще трое.

– Надо же, – восхитился Газарян. – С корабля – и прямо на бал.

Двое из Приморья – прибыли, как «попутный груз», на транспортной авиации. Один из Иркутска. Некие Прудников, Ивлев, Федоренко. Пока знакомились и распечатывали вискарь (откуда взялся?), компания снова пополнилась. Распахнулась дверь, и на пороге возникли... две молодые женщины. Черненькая и светленькая. Не сказать, что красавицы, и одеты не на выпускной бал, но и не какие-нибудь уродины. Мужская компания одобрительно загудела.

– Вот это да, – отвесил челюсть Газарян. – А вроде не заказывали девчат. Или это начальство решило нам приятное сделать?

– А кто-то сейчас по шее получит, – выразительно сообщила светленькая. А темненькая показала, как это будет выглядеть, и вся компания покатила от хохота. Мнение, что женщинам в спецназе не место, предпочли не озвучивать. Девчонок окружили, посадили на почетное место. Кто-то завыл, шуточно заламывая руки, сожалел, что нет шампанского с апельсинами. Девчата попались компанейские. Светленькую звали Оксаной Штурм, темненькую – Надей Величко. Обе трудились по линии Министерства чрезвычайных ситуаций (чрезвычайно грустных ситуаций – пошутил Газарян), обеих привезли из Муром, где стоял их базовый лагерь; обе были подругами. Оксана трудилась при штабе в службе анализа и технической информации (что не мешало ей сносить тяготы и знать пару приемов), Надя – в засекреченном подразделении, имеющем отношение к шифрованию и прочему «утаиванию» данных. «Специалисты по анализу и разбору информации, – сделал мысленную зарубку Туманов. – Ну что ж, пока это не противоречит версии, изложенной троицей в ангаре». И все же появление девиц ему не понравилось – он предпочитал традиционную роль женщин в обществе.

Но другие так не считали. Веселье вспыхнуло с новой силой. Новоприбывшие из Приморья рассказали пару сальных анекдотов – девицы покатились от смеха. Обе были неплохо сложены – это стало заметно, когда они скинули с себя штормовки, Оксана вздула челку, а Надежда распустила волосы, и они, под сдавленные стоны мужиков, рассыпались по плечам.

– Никаких вольностей, господа офицеры, никаких вольностей, – сглатывая слюнки, бормотал майор Шальнов, – это наши боевые товарищи.

– И вообще мы с Оксаной будем спать в одной комнате, – поставила в известность Надя.

– Только не говорите, что вы лесбиянки! – театрально взвыл охочий до слабого пола Газарян.

– Мы не лесбиянки, – сунула ему под нос кулак Оксана, – мы лучшие подруги.

– А разве женщины могут дружить? – озадаченно спросил Долголетов.

– Могут, – просветил Газарян. – Если молча завидуют друг дружке, значит, дружат.

Чуть не получив по челюсти, он перебрался на другой конец бильярдного стола.

Чем закончилась гулянка, Туманов не знал – извинился за проявленное свинство и побрел спать. Публика серьезная, перегнуть с алкоголем не должна.

Наутро он беседовал с майором Шальновым. Собеседник был собран, сосредоточен и совсем не похож на вчерашнего компанейского «батю».

– Вечером выступаем, Павел Игоревич. Из всей компании вы единственный, кто знаком с предстоящей операцией.

– Практически ничего не знаю, – пожал плечами Туманов.

– Узнаете. Работа ожидается муторная и неприятная. Постарайтесь днем хорошо выспаться. В семь вечера едем на базу в Бурово. Не болтать. Будет борт до острова Рыбачий. Там получим инструкции и распишем «пульку» – кто и чем будет заниматься. Нас двенадцать человек, а фактически десять. Девчонок следует прикрыть – пострадать могут кто угодно, только не они. Начальство решило, что проводить операцию лучше малыми силами – так меньше шума. Начальству виднее. С одной стороны, и понятно – территория другого государства, наглеть не стоит. Так что идите отдыхать, Павел Игоревич, а я побеседую с каждым бойцом индивидуально. Посмотрим, на что способны эти «малопьющие»...

Туманов старался абстрагироваться от реальности – очень действенно, когда не хочешь в ней участвовать. Автобус с задраенными окнами, шумная база ВВС, где и без них, в связи с «высокой» проверкой, царил переполох. Три часа в воздухе, общежитие казарменного типа, где им рекомендовали не распаковываться. Столовая, склад с амуницией, местный арсенал глубоко под землей, первый и последний инструктажи. Павел понял, что прошлое осталось за бортом подлодки, когда почувствовал нехватку воздуха и открыл глаза. Душное пространство, напичканное техническими приспособлениями (по большей части ржавыми), мерно подрагивало. В ушах гудело. Тусклый свет то гас, то загорался. Пахло соляжкой, чем-то разъедающим, гнилым.

– Куда мы денемся с этой подводной лодки? – несмешно шутил Долголетов, зажатый между стальной штуковинной «вентильного типа» и сомкнутыми рычагами задраенного люка. Свет замигал, потом стабилизировался, но стал совсем мерклым. Лица спецназовцев выплывали из мрака, как лица мертвецов из фильма ужасов Джорджа Ромера. «А ведь действительно подводная лодка, – недоуменно думал Туманов. – Надо же такому случиться». Наваждение не отпускало. Он начал подмечать за собой такие странности (возможно, алкогольного происхождения) – взрыв, провал, недоуменно озираешься, куда же ты попал, а потом озарение – ну, конечно, ты прекрасно об этом знаешь! И где носило твоё воображение? Туманов скосил глаза, повел плечами, насколько позволяло пространство. На теле термическое белье, комбинезон из прорезиненной ткани, сверху куртка из более плотного непромокаемого материала. Короткие сапоги – стоптать невозможно, гидростойкие, возможно, не горящие. Запястья и лодыжки плотно стянуты, на голове шапка, легко переходящая в маску – вроде бы шерсть, но с добавками, отталкивающими воду. На куртке множество карманов – в том числе на рукавах и даже на спине. Вес амуниции и снаряжения равномерно распределен: в подреберных карманах магазины для автомата, пара наступательных гранат РГ-42, на поясе НРС (нож разведчика специальный), в плечевых карманах пара ножей для метания. В кобуре «стечкин» с ударно-спусковым механизмом на базе немецкого «зауэра», двухрядным магазином на двадцать патронов. На коленях десантный «калашников» со сложенным прикладом. Решили не мудрить, выбрали самое надежное и не капризное. Рейдовый рюкзак за спиной. Обвешан с ног до головы. Ходячее армированное недоразумение. Смерть неверным собакам.

Он, кажется, уснул. Как долго они уже плыли? Начал исподлобья рассматривать людей. Спецназовцы не роптали, не жаловались на духоту и условия перевозки. Им, по крупному счету, было без разницы, на чем ехать – на подводной лодке, на верблюде, на фаустпатроне. Молчали, отрешенно смотрели перед собой. В одинаковых униформах, в шапках, надвинутых на глаза, они казались какими-то «унифицированными» – даже женщины.

– Твою-то мать, в гробу удобнее, – не выдержал Долголетов и попытался сменить позу. Взвыл от боли, насадив позвоночник на какой-то винт.

– Эти подлодки не предназначены для перевозки личного состава, – невозмутимо заметил худошавый усач Федоренко.

– А для чего они предназначены? – фыркнул Газарян. – Для перевозки водки?

– А помните «Особенности национальной рыбалки»? – встрепенулся молодой Прудников. – Там водку возили на такой же подлодке. Может, это она и есть?

– Дурья башка, – постучал по лбу угрюмый Ольшан. – Ту подлодку снимали в студии. Она вообще не существует. Не знаешь, как киношники дурят нашего брата?

Спецназовцы оживились. Не было в стране человека, не смотревшего «Особенностей национальной рыбалки», снятой в 98-м году. А также предыдущих «особенностей охоты». У создателей фильмов были планы на продолжение, но разразилось бедствие под названием «приход к власти патриотов», и молодая российская киноиндустрия быстро померла. Кино в смутное время практически не снимали, а если и снимали, то исключительно тупые агитки, оплаченные из бюджета. Финансирование киностудий не просто урезали, а буквально прекратили.

– Эх, прикольное было кино, – вздохнул Могильный, – жизненное такое. Ну, не без пережестов, конечно...

– А я вообще не пью водку, – проворчал седой, как снежная вершина (хотя и не старый), Ивлев, – организм не принимает. Пиво могу, коньяк могу, вино, мартини, джин, ликер – в любых сочетаниях, а стоит водки выпить – происходит... мгновенная чистка организма.

– Я тоже не любитель белой, – поддержал Газарян. – Вот коньячок армянский – это вещь. Правда, дорогуша? – толкнул он локтем надувшуюся Оксану Штурм. – Как наша «бьютифул лайф»? Чего недотрога такая?

– Да иди ты, – огрызнулась девушка.

– Наша принцесса превратилась в тыкву, – заржал Газарян.

Туманов перехватил быстрый взгляд Надежды. Мазнула его украдкой и уткнулась в пол. «Самое время», – подумал Туманов. Впрочем, против брюнеток он ничего не имел. Тему можно было развить – при возвращении, разумеется, на базу после удачно завершённой операции. Он закрыл глаза – так проще было сдерживать в рамках приличия закрепившуюся в горле тошноту.

– А где тут, интересно, перископ? – донесся приглушенный голос молодого Прудникова.

– Сейчас принесут, – отозвался под общий хохот хохмач Газарян.

Туманов погружался в полудрему. Говорливый Ольшан где-то за кадром повествовал, как пару лет назад участвовал в похожей морской высадке. Власть НПФ на Дальнем Востоке рухнула одновременно с центральной. Почему так было, никто не задумывался. В краевом партийном комитете трое бонз застрелились в один день. Без всяких переживаний, предсмертных записок. Каждый в своем кабинете. Знающие люди понимали, что сработала установка. Проект «Лаборатория», откуда еще росли уши? Четвертый из местного «ареопага» зомбирован был поверхностно, а то и вовсе не был. И пулю в собственной голове считал неприемлемой. Бросился в находкинский порт, прихватив важную документацию и кругленькую сумму из партийной кассы. Яхта уже ждала на «VIP-парковке». Команду подобрал заранее – знать, чувствовал, чем кончится синекура. Завели моторы – и полный вперед в открытое море. Пока чесался местный «Бастион», он уже до нейтральных вод добрался. Куда хотел – в Японию,

Корею, Китай, – сам, поди, не понимал. Хорошо, что яхта сломалась. Пока команда возилась с ремонтом, догнал их пограничный катер. Националы ударили кинжальным огнем – у них, оказывается, имелся на мостике крупногабаритный пулемет «браунинг». Ольшан участвовал в операции. Туговато пришлось спецназу. Чуть на дно не отправились – кормить местные морепродукты. Корпус катера получил неустранимые повреждения, капитанский мостик разнесло, половина группы пала под свинцовым ливнем. Только злость помогла раздавить гадов. Прижали тонущий катер к борту яхты, подавили огневую точку, десантировались на борт. Убивали изуверов без жалости, и только беглого бюрократа пощадили – как кладезь ценной информации. Пришлось на яхте возвращаться в порт – от катера одни пузыри остались...

– Ничего и не похоже, – проворчал Могильный. – Подумаешь, с борта на борт. А при чем тут подводная лодка?

– Эй, Павел, чего такой злой? – толкнул Туманова в бок Долголетов.

– Я не злой, – вздохнул Павел, открывая глаза и делая доброжелательную физиономию, – я задумчивый...

Заскрипела дверь соседнего отсека. Высунулся майор Шальнов. Он что-то торопливо дожевывал.

– Эй, земляне! – провозгласил командир трубным басом, – на горизонте Марс! Готовы к десантированию? Погодка за бортом, должен предупредить, так себе...

Спецназовцы зашевелились. Кто-то стал приподниматься, оправлять амуницию. Покатилась по полу граната. Прудников ахнул, кинулся ее ловить – поймал, сунул в подсумок и покраснел, как девица, случайно обнажившая грудь.

– Олень тунгусский, – покачал головой Шальнов и исчез в головном отсеке.

– Не бойся гранаты, она ручная, – крикнул Газарян.

Лодку тряхнуло. Кто не успел присесть, повалился на соседей.

– Кстати, о катастрофах, – сказал Ивлев, нехотно убирая руку с груди Оксаны, которая смотрела на него с любопытством (вряд ли под семью одежками он мог там что-то почувствовать), – на АПЛ «Киров» во Владике в ноябре в отсеках душевно рвануло. Сам не видел, но разрушения, говорят, были колоссальные. Реактор, слава богу, не задело – а то перепуганные власти уже собрались город эвакуировать. Вроде бы кто-то гранату пронес – то ли намеренно, то ли по дури. Трое погибли, но в целом ситуацию спасли. Кстати, леди и джентльмены, у вас нет такого ощущения, что мы всплываем?

Субмарина явно поднималась. Работали гидропланы – горизонтальные рули, вытеснялась вода из балластных цистерн. Придавило к жесткому сиденью, и желание излить под себя рвоту стало просто неприличным. Что-то заскрипело, хлопали люки, над головой раздался топот. Заскрежетал штурвал, отъехала крышка люка. В нутро отсека ворвалось завывание ветра. Возникла небритая физиономия члена команды.

– Эй, покойнички, готовы? Всем надеть спасательные жилеты!

– Надеюсь, мы не вплавь до берега? – проворчал Долголетов.

Матрос гоготнул.

– Да нет, ваши лодки уже готовят – поплывете, как белые люди. Под люком рычаг, можете нажать – получится лестница. Выбирайся по одному!

– А я с дамой, – заволновался Газарян, хватая под локоток Оксану. – Настоящий я мужик, вывез бабу в Геленджик... – Он стал подмигивать всем желающим посмеяться. – Нас так и не представили, мэ. Рудольф Рубенович, характер стойкий, в порочных связях незаменим. Эх, родная, стащить бы с нас эти презренные одежды.

– Боже, как ты мне уже надоел, – без особой злости сказала Оксана. Туманов снова перехватил взгляд Нади – в этом взгляде было что-то не от этой обстановки.

Лодка всплыла в ночной темноте. Над головой висела плотная, темно-свинцовая масса облаков, как закопченный потолок. Море волновалось, волны захлестывали всплывшую

палубу, похожую на спину кита. Ветер свирепствовал яростными порывами – буквально сразу омертвело лицо. Дождя вроде не было, но надолго ли? Как в анекдоте – «невероятность осадков будет небольшой». Разговоры отставили в сторону – взялись за дело. Члены команды уже закончили накачку резиновых шлюпок, вставляли весла, устанавливали подвесные моторы.

– Моторами не пользоваться! – пытался перекричать шум ветра Шальнов. – Идем на веслах! Моторы – на всякий пожарный! Делимся на группы! Надеюсь, каждый помнит, что надо делать? Туманов, командуйте своими людьми!

Шлюпки на канатах стравляли в море. Их подбрасывало на волнах, пересаживаться с покато́й поверхности в резиновые суденышки было крайне неудобно. Держались за руки, страховали, поддерживали, члены команды помогали навьюченным спецназовцам. Оказаться в ледяной воде было равным самоубийству. Прудников не удержался, заскользил. Страхующий сзади тоже поскользнулся.

– Семен Семеныч... – стоящий на коленях в шлюпке Федоренко сцапал парня за грудки, броском через бедро швырнул на дно лодки. – Помереть не терпится, парень? В твои-то неполные двадцать с небольшим...

– Ага, – поддержал перелезающий следом Ивлев. – Вот так помрешь – и вспомнить нечего.

Туманов поддержал Надежду, она поблагодарила взглядом – довольно уверенно перебралась в лодку.

– Отдавай концы! – крикнул Туманов матросу, примкнув последним к своей группе...

В этом было что-то жуткое. Две неустойчивые лодочки качались на волнах. Рубка подлодки скрылась в пучине – вода бурлила какое-то время, волна накрыла то место, где ее последний раз видели. Шлюпку швыряло из стороны в сторону. Желание проблеваться становилось невыносимым. Кто-то уже не утерпел – высунулся за борт, излился. Туманов достал компас. По идее, их должны были высадить севернее острова – то есть грести предстояло на юг. Он отдал распоряжение: Прудников и Долголетов навалились на весла.

Плыли долго. Или так казалось, что долго. Море штормило, порывался пойти дождь. Несколько раз в зоне видимости появлялась вторая шлюпка. Туманов сверял курс. Временами озира́лся на своих людей, задерживал взгляд на Величко, которая, свернувшись на корме калачиком, перчатками закрывала лицо от пронизывающего ветра. В группе было шестеро – Туманов, Величко, Прудников, Долголетов, Федоренко, Ивлев. Остальными командовал Шальнов на своем плавсредстве.

Призрачный остров сторбленным верблюдом выплывал из тумана. Мрачнее зрелище трудно, наверное, представить. Скалистую глыбу окружали гребни известняковых складок, выступающих из моря, – казалось, что резвились гигантские дельфины, а потом попали в стоп-кадр. Острые зубцы, отвесные стены, сильно изрезанная береговая линия. На инструктаже говорили, что остров небольшой, от силы пять квадратных километров. И не везде на нем скалы – есть вполне проходимые участки, даже какая-то растительность. Имелся даже план острова, который дали каждому на изучение – правда, Туманов сильно сомневался в его достоверности. Он напряженно всматривался в темень. Глыба вырастала, было видно, как волны разбиваются о выступающую над водой скалу, накатывают на берег в крохотной бухточке.

– Что это, мать честная? – зачарованно пробормотал молодой Прудников.

– А на что это, блин, похоже? – буркнул Ивлев.

– Выглядит, прямо скажем, депрессивно, – заметил Федоренко.

– Остров как остров, – простонала из своих перчаток Надежда. – Давайте уж быстрее, что ли, высадимся, а то этот ветер уже бесит...

– Ага, наляжем, – Прудников навалился на весло.

– Отставить, – прошипел Туманов. – Фонарь включать нельзя, а тут повсюду камни. Идем на минимальной скорости.

Они проплыли мимо торчащей из воды скалы – похожей на забрало на шлеме викинга. Едва не коснулись ее бортом. Казалось, остров отступил – высился все в том же отдалении – призрачный, нереальный...

– Неужели с этой стороны они не выставили постов? – удивился Федоренко.

– Говорили, север они почти не прикрывают, – отозвался Долголетов. – А если и прикрывают, то без усердия. Держу пари, что посты имеются, залезли куда-нибудь в пещеру, сидят, у костра греются.

– Я бы тоже сейчас погрелась, – мечтательно проговорила Надежда. – Какого, спрашивается, дьявола? – встрепелась она. – Не могли нас посадить поближе к острову? Подлодка-то компактная, уж пролезла бы.

– Не думаю, – откликнулся Туманов. – В этих прибрежных водах рельеф морского дна сильно изломан. Они не имели права рисковать... Пляшите, господа, – мы, кажется, входим в мертвую зону.

Выступающая скала осталась слева. Вал за валом с оглушительным шумом разбивались о мыс. Взлетала пена. Лодка входила в бухту, заваленную гигантскими булыжниками. Усилилась качка в прибрежных водах. Предстояло виртуозно вклиниться между двумя остроконечными огрызками – только так был шанс проскочить, не разбившись о камни. Группе майора Шальнова повернуть этот номер не удалось. Гребцы не справились с управлением. Шлюпку понесло на скалу, гребцы налегли на весла, но спастись от конфуза уже не могли: шлюпку подхватило волной и буквально размазало о камень.

– Упс, – пробормотала Надежда.

Люди выбирались из воды, держа оружие над головой, падали на берег. Кто-то, подпрыгивая от злости, выжимал шапку.

– Будем учиться на чужих ошибках, – поучал Туманов. – Так, ребята, а ну-ка, правее руля, мы им покажем, как нужно...

Лодку вынесло на маленькую галечную косу. Схлынула волна. Пока не подошла вторая, люди спешно выпрыгивали из нее, потом тащили лодку под скалу, маскировали камнями в узком гроте.

– Будем считать, все нормально, – хлопнул Туманова по плечу Шальнов. – Некогда сушиться, по дороге обсохнем. Помните, что надо делать? Проверим рацию, Павел Игоревич.

Молча наблюдали, как люди Шальнова, растянувшись в цепь, поднимаются на взгорбленную ленту скалы. Там имелась вполне проходимая тропа. Дай бог, чтобы она, как и было обещано, тянулась вдоль всего острова. По плану группа Туманова должна была выждать четверть часа, а потом начинать продвижение в глубь острова. Спецназ растворился за скалой. Павел посмотрел на часы. Начало четвертого ночи. Люди забирались под скалу, где была площадка, засыпанная щебнем, пошучивали. Кто-то курил, прикрывая рукой тлеющий окурок. Тьма немного разредилась, но смотреть было не на что. Только море выкатывало на берег волну за волной.

В положенное время майор Шальнов вышел на связь. Его группе удалось обойти часть острова, и в данный момент она находилась примерно на юго-западной стороне. Будьте осторожны, предупредил майор, имеются патрули. Один уже засекли, но снимать не стали: позиция была невыгодной. Двигаться с полной осторожностью.

– С богом, славяне? – Туманов подтянул амуницию, забросил на плечо десантный автомат и зашагал в узкую расщелину между двумя внушительными глыбами.

Очень скоро это каменное царство начало раздражать. Они плелись с черепашьей скоростью по узкому распадку, аккуратно ставя ноги, чтобы не скрипеть крошечным – шум моря в эту теснину почти не попадал, и каждый звук громче вдоха, отдаваясь эхом, взлетал по отвесным стенам. Над головой изломы, «петушинные» гребни, острые края. Скалы разомкнулись, обра-

зовалось что-то похожее на ступенчатую тропу – наверх, к зубчатой вершине. Туманов первым ступил на тропу... и вдруг, отпрянув, прижал палец к губам. С ветром долетели голоса. Люди попятнулись, прижались к стене. Тяжело и надрывно дышала Надя.

– Назад! – Павел юркнул за выступ, туда же на цыпочках потянулись остальные.

– Павел Игоревич, – зашептал Прудников, – давайте я поднимусь, разведу. Вы не думайте, я не такой уж неуклюжий, я полосу препятствий быстрее всех преодолеваю...

Ну что ж, самое время принимать нестандартные решения.

– Давай, Саня, – решился Туманов, – только без наказуемой инициативы. Не надо брать огонь на себя, договорились? Оставь автомат, гранаты, сними рюкзак. Топай.

Парень скинул все, что могло тормозить передвижение, начал ловко карабкаться и вскоре пропал из вида.

– Курим, – пробормотал Долголетов. – Это, кажется, надолго. Зря вы, Павел, поставили на эту лошадку. Молодой еще сопляк, прошляпит чего-нибудь.

– Сашка молодец, не наговаривай, – глухо отозвался Ивлев. – Бывает, конечно, что и скосячит, но кто из нас может без ляпов? Он молодой, гибкий, в любую щель пролезет. Куда уж нам, старикам, – мы теперь только на открытой местности вояки.

За спиной послышался шорох. Ахнула Надежда, Туманов заслонил ее собой, вскинул автомат.

– Только не стреляйте! – зашипел Прудников, объявляясь неведомо откуда. – Здесь тропа лучше, камни почти не падают. Мы подойдем к ним сзади. Их трое – устали службу тащить, сидят в ямке, греют руки над таблеткой сухого горючего...

– Показывай дорогу, Сусанин, – распорядился Туманов. – Долголетов, Федоренко – со мной. Остальные ждите здесь.

Ветер сменил направление. Голоса уже не долетали. Тропа привела на вершину холма, откуда открывался вид на волнующееся море. На юге никакого вида не было – кручи вздымались выше уровня глаз. Повсюду голые скалы, ни кустика, ни былинки, только тонкая сыпь лишайников покрывала камни. Тени скользили между камнями, перебежали от укрытия к укрытию. Три фигуры в покато́й каменной чаше, короткая стычка. «Хреново, – думал Туманов, обнажая нож, – сначала убиваешь, а потом уж смотришь, кого убил».

Навалились втроем. И тех было трое – все по-честному. Он даже не видел, кого режет. Тот дергался, пытался вырваться, шлепал губами, словно хотел что-то сказать – но трудно разговаривать с ножом в спине. Павел провернул в ране лезвие, вытащил. Коллеги, кажется, справлялись. Ивлев оглушил «своего» ударом по голове, оседлал, перерезал сонную артерию. Третий вроде бы смирился с судьбой, перестал сопротивляться, а когда Федоренко попытался перерезать ему горло, внезапно изогнулся дугой, схватил его за руку, начал выкручивать. Оба усердно кряхтели.

– Требуется помощь? – участливо справился Туманов.

– Сам сделаю, – просипел Федоренко, – невелика наука.

Правая рука оказалась зажатой. Федоренко изловчился, ударил левым локтем в переносицу. Боец содрогнулся, затих. Но когда он подбирал нож, чтобы закончить наконец это муторное дело, тот вновь задергался, завертелся! Сильным толчком сбросил с себя спецназовца, подпрыгнул, понесся саженными скачками наверх. И вновь Федоренко не растерялся. Нож, прорисовав дугу на фоне серого неба, вонзился парню в загривок. Хрустнул позвонок. Боец сломался, как сухая ветка, ноги подломились, он покатился обратно в чашу.

– Чувак, это круто, – уважительно сказал Ивлев.

Раздался странный звук. Подняли головы. Прудников, не принимавший участия в резне, согнулся пополам, поливая лишайник рвотой.

– Молодой еще, – вздохнул Федоренко, – равнодушный пока к такому.

– Скоро поймет, что это просто работа, – поддержал Ивлев. – У всех людей своя работа. У нас – вот такая.

Тела перевернули, осветили. Мертвецы как мертвецы. Не пишут прислужники Ордена у себя на лбу, что работают на Орден. Относительно молодые люди, небритые, спортивной комплекции. Черные куртки, отороченные мехом, черные круглые шапочки, порядком стоптанные сапоги (ходили много). На вооружении «каштаны». Документов или еще каких бумаг, проливающих свет на личности убиенных, на телах не нашли. В ранцах – аптечки, свернутые дождевики, остатки чая в термосах-фляжках, банальные галеты.

– А чай-то, между прочим, зеленый, – заметил Федоренко, осушая фляжку. – Кислятина несъедобная. Чего это они? О здоровье пекутся?

– Ну, в натуре, – всплеснул руками Ивлев и засмеялся: – Дегустация зеленого чая в доме престарелых.

Туманов задумчиво подбросил на руке компактную рацию. А вот это совсем не здорово. Если с ликвидированным патрулем попытаются связаться сослуживцы, выйдет неприятность. Но не оставлять же было в тылу эту компанию.

– Быстро валим, – распорядился он. – Прудников, тащи тех двоих.

Он растоптал рацию. Тела сбросили в расщелину – пусть ищут. Когда подоспел хвост группы, ничто не напоминало о побоище.

– Вы чем это тут занимались? – подозрительно потянула носом Надя.

– Не задумывайся, Надя, – буркнул Федоренко. – Начнешь задумываться – плохо кончится.

Выбором нового врага долго не мучились. Спустились со скалы и вновь оказались во власти битого камня. Держать направление становилось труднее – двигались зигзагами. Но вот проход расширился, появились клочки какой-то чахлой растительности, даже деревья – кривые, разлапистые, коротконогие, непонятно как произрастающие на каменных уступах. Стационарный пост могли и проглядеть. Домик из сосновых брусьев, замазанных глиной, притулился под скалой, почти сливался с местностью. Возможно, днем его бы сразу заметили, но ночью, под слоем свинцовых облаков...

– Ложись, – приказал Туманов.

Легли.

– А чего это такое? – прошептал Прудников.

– Откуда нам знать, – огрызнулся Ивлев. – Может, музей.

– Давайте не будем заходить? – предложила Надя. – Ну, избушка, пусть стоит.

– Сомневаюсь, – проворчал Федоренко. – Не так-то просто пройти мимо с невозмутимым видом. Ты как считаешь, Павел Игоревич?

– Считаю, что оставлять за спиной мы можем лишь материальные ценности.

Они подкрались поближе. Скалы в этом месте вздымались широкими уступами, журчал ручеек, вытекающая из скалы. Проблемы с питьевой водой на острове, похоже, не было. «Воду сторожат?» – мелькнула глупая мысль. В избушке что-то горело. Вряд ли электричество. Лампа масляная или что-то в этом духе.

Так и оказалось. О смысле поста в ущелье долго не дискутировали. К службе здесь относились халатно. Человек в черном вскинул голову. Он сидел на плетеном стуле за каким-то раритетным столом, перелистывал журнал в свете масляной лампы. Подпрыгнул, попятился, в глазах заметался испуг. Туманов вскинул приклад, ударил в челюсть. Боец повалился и остался лежать в углу, закатив глаза.

– По базе пробил, – невозмутимо констатировал Ивлев.

Второй, мирно спавший на дощатой лежанке, проснулся, вскочил, вращая глазами. И этого отправили в нокаут.

– И даже не вспомнил боец, что в кармане у него винтовка, – усмехнулся Ивлев, снимая со стены незаменимый в ближнем бою «каштан».

Осмотрелись. Женской руки в этом суровом мирке явно не чувствовалось. Потрескивала буржуйка, дрова были навалены неопрятной кучкой, пустые кружки сдвинуты на край стола, пачка чая, рваная обертка, крошки, пустая тара от лимонада.

– «Носкаином» попахивает, – поморщился Федоренко. – Неряхи какие-то.

Павел обшарил тела, вывел из строя очередную рацию. В одном из парней еще теплилась жизнь. «Притворюсь, что не заметил, – подумал он, – все равно не жилец».

– Уходим.

– Ага, бегу. – Прудников прилип к журналу, за которым коротал ночку покойник, бегло его перелистывал, цокал языком. – Мужики, тут бабы – глаз не отвести...

– Голые, что ли? – хохотнул Федоренко.

– А то.

– Или обнаженные?

– А в чем прикол? – парень недоуменно хлопнул глазами.

– Прикол в понятии. Голая баба – это пошло. А обнаженная – важнейшее из искусств. Ладно, бросай свою порнуху. Давай, детка. И закрой наконец рот.

Надя встретила их на крыльце гробовым молчанием. Пытливо всматривалась каждому в глаза, молча пристроилась в хвост колонны.

– Молчит – и не надо ее перебивать, – шептал Ивлев, – молчащая женщина – это находка. Слушал бы и слушал.

Люди нервничали – этот остров оказался длиннее, чем было обещано. И стерегущие его личности вряд ли относились к «зомбированным слоям населения» – судя по тому же порнографическому изданию. Нарастало беспокойство. Теперь Туманов двигался в авангарде. Машинально отмечал – тропа под ногами не «случайна», она протоптана людьми, и пользуются ею часто. Тропа петляла, приходилось перед каждым поворотом припадать к стене, оценивать обстановку. Черные утесы громоздились со всех сторон. Впереди он разглядел что-то вроде арочного прохода. Предчувствие подсказало – цель близка. Но стоит ли вот так, с бухты-бархты...

– Предлагаю не спешить, – объявил он людям. – За этой «подворотней» что-то есть. Лезем на скалу. – Павел кивнул на ступенчатую глыбу слева от прохода.

До вершины скалы они не добрались. Незачем. Открывшейся панорамы вполне хватало для обзора местности. Люди рассредоточились, созерцали неожиданное зрелище. В котловине между нагромождениями скал и утесов расположился... классический средневековый замок.

О том, как выглядит база Ордена, никто не говорил. Считалось несущественным. Главное – план помещений. Зашевелилось что-то в районе копчика, прохладная змейка заструилась по позвоночнику. Туманов недоверчиво всматривался в расплзающуюся по острову серость. Этому замку была чертова прорва лет. Высокая крепостная стена опоясывала постройки практически вкруговую. Зубцы на стене почти не сохранились – развалились от времени, от непогоды. Квадратная башня выделялась на переднем плане – раза в полтора выше стены, практически без окон. Лишь под карнизом чернела вереница узких отверстий. Две сторожевые башни, диаметрально отдаленные друг от друга, внутри крепостной стены серели еще несколько построек. Но самое гнетущее впечатление производила центральная башня. А ведь с нее видно море, сообразил Туманов. А с моря ее не видно, она сливается со скалами. Уму непостижимо, как этот замок сохранился до наших дней. Стены обветшали, во многих местах из кладки вывалились камни, но впечатление дырявой стена не производила – толщина стен была такая, что хоть из пушки молоти. Что это было – форпост викингов? Или викинги – это уж совсем лохматая старина?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.